

18+ Роберт

Дом *на* водопададе

Е. Т. Роберт
Дом на водопаде

«Издательские решения»

Роберт Е. Т.

Дом на водопаде / Е. Т. Роберт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513832-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Успешному российскому ученому Александру Джонсу, только что закончившему работу над своим новым лекарством, неожиданно выпадает шанс провести отпуск в Финляндии, в доме своей бывшей студентки. Там ему предстоит причаститься красоте жизни, которой наполнены весенние лесные пейзажи, прикоснуться к пугающим глубинам собственных желаний и узнать неприятную правду о жизни своей протее для того, чтобы, наконец, расставить все точки над *i* в их общем прошлом.

ISBN 978-5-00-513832-3

© Роберт Е. Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	19
5	22
6	29
7	34
Часть вторая	38
8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дом на водопаде

Е. Т. Роберт

*Посвящается моей маме
и ее неудержимой тяге к прекрасному*

Редактор Сергей Барханов
Дизайнер обложки Таисия Королькова

© Е. Т. Роберт, 2020
© Таисия Королькова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3832-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

*– Вот и всё. Просто пишите картины. Мой вам совет.
А заумь всякую оставьте несчастным импотентам, которые их писать
не могут.*

Дж. Фаулз. Башня из черного дерева

1

– Ты только погляди, Алекс, что они тут пишут. Заголовок, значит, такой: «Река Айеройки – приманка для самоубийц?».

Вонючка Билл подцепил уголок газеты толстым, испачканным в майонезном соусе пальцем и, тщательно расправив помятый серый лист, принялся декламировать:

– «Администрация Выборгского района выражает серьезную озабоченность проблемой участвовавших самоубийств на реке...»

Он выдержал паузу, дабы убедиться, что его коллега, хоть и нехотя, обратил на него внимание, и продолжил:

– «Только за последний месяц текущего года было зафиксировано 12 случаев суицида. По официальным данным, общее число утонувших с начала летнего сезона – 54 человека – выросло в два раза по сравнению с прошлым годом. Как сообщили в пресс-службе УМВД Ленинградской области, признаков насильственной смерти на телах не обнаружено...» – Вонючка Билл сощурился, пытаясь разобрать текст под жирным соусным пятном. – «В беседе с нашим корреспондентом доцент кафедры психиатрии Северо-западного медицинского... так... высказал мнение о неблагоприятном влиянии сезонного расстройства на самочувствие населения. „Согласно мировой статистике, жители северных широт в период короткого светового дня расстаются с жизнью чаще“, – пояснил он».

– Да, где-то я читал, что в темное время суток человек более креативен... – негромко пробормотал из-за соседнего стола тот, к кому была обращена речь.

Вонючка Билл, видимо, не расслышал шутки или не понял ее.

– Так, что тут еще любопытного? А, вот: «Напомним читателям, что первые позиции в списке популярных мест для сведения счетов с жизнью занимают мост Золотые Ворота в Сан-Франциско, США, и лес Аокигахара на острове Хонсю, Япония».

С наигранным изумлением он свел глаза к переносице и даже тихонько присвистнул:

– Не станет ли река Айеройки третьей в этом списке, намекают нам газетчики, а? Что скажешь?

Доктор Алекс Джонс неглубоко втянул носом воздух, в очередной раз находя подтверждение, что Билл неспроста носит свое прозвище, и медленно повернулся на крутящемся стуле в его сторону, не без усилий изображая заинтересованность на скупающем лице.

– Это вчерашние «Ведомости»¹? – спросил он.

– Какие «Ведомости»? – возмутился его невнимательности Билл. – Река еще во льду! Разве могли во вчерашней газете написать об утопленниках?

Он замолчал, крайне довольный собой, ожидая следующего вопроса. Когда секундная стрелка на больших настенных часах, служивших единственным скупым украшением лаборатории, сделала пять шажков, а вопроса не последовало, Вонючка Билл ответил на него сам.

¹ Имеется в виду газета «Санкт-Петербургские ведомости» – крупнейшее ежедневное издание Северо-Западного региона.

– У меня в руках номер «ЛенинградЛайф» от двадцать третьего сентября, – важно сказал он. – Очевидно ведь, что газета не вчерашняя, иначе стала бы супруга заворачивать в нее сэндвичи.

Доктор Алекс Джонс не сдержал ухмылки при упоминании о сэндвичах, а точнее, обыкновенных промасленных бутербродах, которые «супруга» каждое утро неизменно клала Вонючке Биллу в портфель.

Настоящее имя Вонючки было Игорь Альбертович Рубин, но в студенческие годы, когда он еще не был таким лысым и обрюзгшим и, возможно, пользовался бы куда большим успехом у девушек, если бы не исходивший от него терпкий душок, никто и не думал называть его Игорем Альбертовичем. К его фамилии как нельзя лучше подходило иностранное имечко Билли, получалась презабавная кличка – Билли Рубин, и остроумные сокурсники подметили это даже раньше, чем один американский писатель – «отец» знаменитого книжного маньяка-психопата².

Созрев с возрастом, словно французский сыр, Билли Рубин с полным правом превратился в Вонючку Билли и в заспанных разговорах оставался им по сей день, хотя недавно разменял уже пятый десяток. Весь коллектив научно-исследовательского института с энтузиазмом подхватил неблагозвучную кличку, и доктор Алекс Джонс не стал исключением, хотя никаких личных претензий к Игорю Альбертовичу как к научному сотруднику и напарнику не имел. Он даже мог бы назвать его вполне сносным соседом по кабинету, если бы жена Игоря не имела привычки приправлять его бутерброды каким-то едким соусом, который, судя по способности жирными пятнами расползаться по столам, стульям и важным бумагам, представлял собой своего рода биологическое оружие.

– Ну и чего ты за нее ухватился? – кисло поинтересовался Алекс Джонс. – Никому не интересно, о чем написано в старых газетах.

– Да? – Пухлые щеки Вонючки разочарованно повисли. – Но как же так, Алекс?! Полгода назад эти «ныряльщики» были на первых полосах всех газет.

– Не знаю, ничего подобного не слышал.

– А знаешь, что обо всем этом думаю я?

Доктор Алекс Джонс, разумеется, не знал. В сущности, ему было наплевать; мысли его в этот момент были далеко, и все, чего он хотел, это мчаться за ними вслед, по витку раскручивая тугую спираль текущих забот, желательно в полной тишине и с распахнутыми настежь окнами. От спертого воздуха лаборатории у него начиналась мигрень, наступление которой Алекс Джонс предвидел; он принял две таблетки ибупрофена, но тревожное ожидание боли лишило его всяческих сил сопротивляться навязчивому собеседнику. Вот почему он лишь неопределенно махнул ладонью – мол, продолжай.

– «В связи с этим на заседании совета депутатов было принято решение об установке защитных экранов и ограждений у наиболее опасных участков берега». Вот, значит, на что расходуются средства местного бюджета! – Вонючка Билл в возмущении щелкнул по газете пальцем и воскликнул: – Ей-богу, устроили из этих утопленников целый спектакль! Ну кому какое дело? Хотят они бросаться в воду – так пусть! Честно говоря, я их даже не осуждаю. Как глянешь по телевизору новости, так и самому жить не хочется.

Вонючка Билл отложил газету и обтер влажные ладони о засаленный, густо покрытый разномастными пятнами халат.

– Позволь мне, – попросил Алекс Джонс, протягивая руку.

Он подкатился на своем крутящемся стуле, смял газету в комок и швырнул ее в стену; отскочив, комок угодил точно в переполненную мусорную корзину.

² Речь идет о серийном убийце Ганнибале Лекторе, герое романа Томаса Харриса «Молчание ягнят», опубликованного в 1988 году. В тексте романа использована игра слов: «Билли Рубин» и «билирубин» – желчный пигмент, компонент желчи человека.

– Вот и правильно, туда ее! – одобрительно кивнул Вонючка Билл и, хлопнув коллегу по плечу, направился к двери. – Пойдем, может, перекурим?

Доктор Алекс Джонс поежился от неприятного прикосновения и последовал за ним.

В курительной комнате он с удовольствием затянулся горьковатым дымом и протянул пачку Биллу. Последний, памятуя о сердечно-сосудистом риске для курильщиков с избыточной массой тела, в который раз бросал пагубную привычку и своих сигарет принципиально не покупал, поэтому Алексу Джонсу пришлось, по обыкновению, одолжить ему пару штук.

– Так что, ты всерьез веришь тому, что написано в газете? – спросил Алекс Джонс без особого интереса, только для разговора. – Откуда им знать, что это самоубийства? Мало ли пьяных купается в реке – может, это просто банальная неосторожность?

Билл прицокнул и покачал головой.

– Говорю же тебе, об этом много где писали.

– Подумаешь, много где. Если бы происшествие было серьезным, его бы наверняка освещали серьезные издания, а не «ЛенинградЛайф», эта желтая газета, которая годится только на то, чтобы заворачивать в нее твои бифштексы.

– Кто его теперь разберет! А интересно все-таки, как с этим обстоят дела у наших финских соседей?

Вонючка Билл затушил скуренную до фильтра сигарету и сложил на животе пухлые ладошки.

– Бывал ты там, на реке?

Алекс Джонс кивнул, стряхнув пепел в банку.

– Несколько раз с семьей. Арише, кажется, было лет пять или шесть.

– Ну и как там?

– Красиво, как еще. Это было давно, тогда меня многое впечатляло.

Доктор Алекс Джонс ответил так не из высокомерия. Просто ему казалось, что только самый ленивый житель Ленинградской области не посетил еще эту жемчужину внутреннего туризма, которая одинаково хорошо годилась и для рафтинга (третья категория сложности с элементами шестой), и для рыбалки (клевали судак, лещ и окунь, а при удачном раскладе – и деликатесная форель!). Он бывал и на Айеройоки, южном рукаве российско-финской реки Вуоксы, и на самой Вуоксе, в Финляндии, где они с женой наблюдали знаменитый водоскат Имагранкоски, и в Иматре. Игорь Альбертович же не посещал ни одного из перечисленных мест, для него лучшим местом отдыха на протяжении многих лет являлась комфортабельная дача в Лампово. Оттого, не имея возможности поддержать тему, он принялся нетерпеливо барабанить пальцами по подоконнику, приговаривая: «Ну да, ну да...» – и под этот мерный цокот Алекс Джонс погрузился в воспоминания.

По непонятной причине память отбросила его на двадцать лет назад, в то переломное лето, когда, приехав в Москву из маленького северного городка, он сдал вступительные экзамены в Сеченовку³ и не без гордости обнаружил свое имя в списке рекомендованных к зачислению. Через пять лет, окончив университет с отличием, он не раздумывая поступил в аспирантуру на кафедру фармакологии, успешно защитился, женился, стал отцом. Дальнейшая его жизнь в целом протекала довольно однообразно: он трудился в НИИ молекулярной медицины рядовым научным сотрудником, сочетая практическую работу в лаборатории с посещением научных конференций, симпозиумов и презентаций.

Оригинальными идеями в те времена Алекс Джонс не блистал. Он проводил рутинные исследования, которые представляли личный интерес для руководства лаборатории, но едва ли обещали сенсационные результаты. Научная деятельность разочаровала его так же быстро, как однажды пленила, и он всерьез засомневался в правильности выбранного пути. Тесть

³ Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова.

неустанно давал ему понять, что зарплаты молодого ученого не хватает, чтобы обеспечивать нужды семьи с маленьким ребенком, жена Катерина требовала уделять больше внимания ей и дочери. Сам Алекс Джонс ходил угрюмый, много курил и бросал мечтательные взоры на зарубежные фармфирмы, обдумывая, как пополнить собой ряды желающих изобретать новый вид «Упсы» или «Колдрекса» за долларовую зарплату. Он был близок к тому, чтобы признать себя неудачником, растратившим лучшие годы на бездарную имитацию научного процесса, но потом в его жизни случилось то, что надолго отвлекло его от самобичевания.

2

В начале 2000-х годов научный институт, в котором коротал свою молодость Алекс Джонс, неожиданно получил крупный американский грант на исследования в области нейродегенеративных заболеваний⁴. Это событие повлекло за собой необходимость создания новой научно-исследовательской лаборатории, которую решено было разместить в городе Воглино под Санкт-Петербургом. Согласно условиям гранта, в своей деятельности лаборатория должна была сосредоточиться исключительно на изучении молекулярно-генетических аспектов как распространенных, так и малоисследованных неврологических заболеваний. Предполагалось, что такой узконаправленный подход позволит быстрее ликвидировать недостаток научных знаний в этой области и, как следствие, ускорит процесс создания принципиально новых лекарственных препаратов.

Но почему лабораторию нужно было организовать именно в Воглине, а не в Москве или, например, в самом Санкт-Петербурге?

Во избежание ненужных вопросов руководство института постаралось привести исчерпывающие доводы, и одним из них была экономическая целесообразность расположения лаборатории в небольшом, удаленном от обеих столиц городе, а также возможность наладить дружественно-партнерские контакты с петербургскими коллегами. Мнения работников по этому поводу разделились: одним переезд казался сумасбродной и неоправданной затеей, другим же – хорошо продуманным планом по «освоению» денежных средств, способным принести выгоду исключительно сидящим при кормушке чиновникам и директорам.

Открытие воглинского филиала НИИ молекулярной медицины состоялось менее чем через год после официального объявления и прошло скромно, без лишней помпы. На несколько лет Алекс Джонс, тогда еще никакой не доктор, а лишь один из небольшой группы заинтересованных и мотивированных исследователей, погрузился в работу над основной темой гранта и, на удивление, вновь почувствовал в себе вдохновение.

Временами, конечно, на него нападала прежняя тоска, вызванная скверной привычкой задаваться вопросами, правильно ли он поступил. Не лучше ли было остаться в Москве, где рано или поздно он, вероятно, получил бы возможность возглавить свое собственное исследование? Не ошибся ли он, потянув за собой в Воглино маленького ребенка и жену, которой больше нравилась жизнь в шумном, подвижном мегаполисе? Все эти мысли, беспокойные и сумбурные, периодически крутились у него в голове, добавляя нервозности и еще более усугубляя семейные проблемы.

Больше всего на свете Алекс Джонс хотел добиться научного успеха, чтобы доказать старшим коллегам, жене, тестю и прежде всего самому себе, что он тоже чего-то стоит. Он чувствовал, что его терпение на исходе, ему хотелось получить все, и как можно скорее. Но он не забывал и о том, что значимые результаты в прикладной науке достигаются лишь непрерывным и кропотливым трудом, на который могут потребоваться долгие годы, и одно только это обстоятельство служило постоянным источником раздражения, нарушавшего его спокойный сон.

Но все равно, словно утешая самого себя, Алекс Джонс раз за разом повторял, что, несмотря на кажущуюся безысходность, у него еще есть шанс совершить открытие немалой важности. Неожиданное озарение может настичь его в любой момент. Сегодня или завтра, а может быть, через месяц или два, в процессе экспериментов откроется новый факт или возникнет новая идея, на основе которой можно будет с той или иной степенью везения попытаться создать крепкую, конкурентоспособную теорию.

⁴ Группа заболеваний, для которых характерны медленно прогрессирующая гибель нервных клеток и постепенно нарастающая атрофия соответствующих отделов головного и спинного мозга.

В числе заболеваний, ставших предметом научного интереса Алекса Джонса, значился боковой амиотрофический склероз (БАС), иначе называемый болезнью моторного нейрона. Относительно широкую известность среди общественности БАС получил в связи с именем знаменитого английского физика Стивена Хокинга⁵, но в научном отношении все еще оставался малоизученным недугом. Ученые обратили на него свои пристальные взоры лишь недавно, в начале 90-х годов, и до сих пор не сумели добраться до сути: не был точно установлен первичный биохимический дефект, отсутствовали специфические методы диагностики заболевания.

Исследования, которые проводили Алекс Джонс и его коллеги, как раз были направлены на изучение механизмов клеточной гибели и поиск путей ее предотвращения. И вот в ходе размышлений над полученными результатами Алекс Джонс заметил, что некоторые молекулярные процессы, первоначально интересовавшие его только в качестве звеньев патогенеза⁶ БАС, трансформировались в конкретную практическую задачу. Особой надежды на моментальный успех Алекс Джонс не питал, но все же загорелся идеей отыскать подтверждение своим догадкам.

Истории фармацевтической науки известно немало случайных открытий, когда лекарственные свойства химических веществ были обнаружены неожиданно, как в случае с пенициллином, аспирином или опиумом. Но это осталось далеко в прошлом, а нынешним ученым-фармакологами обычно приходится идти путем методичного поиска и отбора подходящего субстрата: изучаются десятки химических соединений, среди которых выделяется и синтезируется самое активное в интересующем их плане. Как правило, молекула этого вещества либо замещает собой другую, отсутствующую в организме, либо взаимодействует с рецептором клетки, которая повреждена и на дисфункции которой основывается патогенез заболевания.

Прежде чем заняться нейродегенеративными заболеваниями, Алекс Джонс имел лишь самые общие представления о боковом амиотрофическом склерозе. Он знал, что болезнь эта очень редкая и встречается лишь у 2—15 человек на сто тысяч. Примерно в 10% случаев она носит наследственный характер и связана с мутацией некоторых генов в 21-й хромосоме, а в 90% случаев и вовсе возникает спонтанно. Но что хуже всего, БАС прогрессирует с неумолимой быстротой. Нейроны передних рогов спинного мозга – клетки, участвующие в передаче нервного импульса от коры головного мозга к мышцам туловища и конечностей, – постепенно гибнут без возможности регенерации. Начавшись с судорог, мышечных подергиваний и слабости в руках и ногах, болезнь приводит к полной утрате способности передвигаться и обслуживать себя; очень скоро возникает потребность в искусственной вентиляции легких, а потом, в промежутке от двух до восьми лет с момента появления первых симптомов, неизбежно наступает смерть.

Несмотря на столь скудные и совсем не обнадеживающие сведения, Алекс Джонс был полон энтузиазма, он чувствовал, что цель его научных изысканий, а может быть, и всей жизни заключается в создании лекарственного препарата, пожизненный прием которого позволил бы остановить или хотя бы замедлить прогрессирование болезни. Задача была крайне непростой, и к поиску ее решения в разное время уже подступались многие ученые и исследователи. Настоящими пионерами в фармакотерапии БАС были французы из «Рон-Пуленк Рорер», которые в 1995 году разработали лекарство рилузол. Двумя годами позже оно вышло на рынок под торговым названием рилутек, однако никаких существенных перемен в жизни пациентов, страдающих боковым амиотрофическим склерозом, это не принесло.

⁵ Стивен У. Хокинг (1942—2018) – физик-теоретик, космолог, автор ряда научных трудов, посвященных гравитационной сингулярности и черным дырам. Страдал медленно развивающейся формой БАС, которая постепенно, за несколько десятилетий, парализовала его.

⁶ Патогенез (греч. *πάθος* – «страдание» и *γένεσις* – «происхождение») – совокупность процессов, определяющих возникновение, течение и исход заболевания.

Дело в том, что на момент изобретения рилузола предполагалось, что ведущую роль в гибели нейронов спинного мозга играет так называемая эксайтотоксичность, или, иными словами, чрезмерная стимуляция глутаматных рецепторов высокими концентрациями глутаминовой кислоты, которую наблюдали у большинства пациентов с БАС. Рилузол ограничивал высвобождение кислоты из синапсов, а также блокировал рецепторы, с которыми она связывалась, но на этом его терапевтические возможности заканчивались.

Уже в ходе первых клинических испытаний рилузола выяснилось, что 18-месячный курс терапии препаратом в стандартных дозах продлевал срок жизни пациентов лишь на 2—4 месяца по сравнению с контрольной группой, при этом крайне важно было начать лечение как можно раньше. В России ситуация осложнялась еще и тем, что рилузол не был зарегистрирован на внутреннем рынке, и это означало, что пациенты, чье материальное положение не позволяло приобретать дорогостоящее лекарство за границей, и вовсе не имели шанса хотя бы немного продлить свою жизнь.

Новый препарат, над разработкой которого бился Алекс Джонс, просто обязан был получиться более эффективным, а также более надежным, доступным и безопасным при длительном применении. И это было возможно, он чувствовал это своим профессиональным чутьем и не жалел ради этого ни сил, ни времени, ни даже собственного здоровья. Несколько месяцев подряд он проводил все свои выходные за изучением отечественной и зарубежной научной литературы, нередко задерживался на работе и почти не спал по ночам, что не могло не сказаться на его взаимоотношениях с женой.

И вот наконец настал момент, когда ценой всех этих усилий из кучи нескладных и противоречивых научных гипотез была добыта драгоценная жемчужина: в уме Алекса Джонса во всех подробностях обрисовался состав нового препарата, способного, как он надеялся, стать смелым шагом в терапии бокового амиотрофического склероза.

Обнаружение у больных ряда мутаций в гене антиоксидантного фермента супероксиддисмутазы (СОД) могло свидетельствовать о том, что по крайней мере одним из механизмов повреждения нейронов служит оксидативный стресс. Без поддержки фермента клетка не может самостоятельно бороться с натиском свободных радикалов и подвергается деструкции. Стало быть, если из-за генетической поломки организм не способен сам синтезировать жизненно важный фермент, необходимо обеспечить его поступление извне, чтобы защитить нейроны от гибели.

Сама по себе эта идея была не нова. В качестве лекарственного средства супероксиддисмутазу использовали уже давно: в частности, в офтальмологической практике в виде глазных капель и в хирургии для профилактики развития интраоперационных осложнений. Но вот оригинальный способ доставки фермента к поврежденным нейронам, разработанный лично Алексом Джонсом, стал безусловным новшеством.

Основная трудность заключалась в том, что в норме между центральной нервной системой и кровеносным руслом в организме человека существует физиологическая преграда. Это так называемый гематоэнцефалический барьер, призванный защищать ткань мозга от циркулирующих в крови микроорганизмов, токсинов и прочих чужеродных субстанций, к которым относится и большая часть известных лекарственных веществ.

Чтобы помочь ферменту преодолеть это биологическое препятствие, Алекс Джонс разработал компьютерную модель белка-«доставщика», взяв за основу производное аполипопротеина Е, сложной белковой молекулы, которая связывается с рецепторами на клетках эндотелия капилляров гематоэнцефалического барьера. В ходе своих изысканий Алексу Джонсу удалось установить, что присоединение к молекуле белка фермента супероксиддисмутазы позволяет модифицировать белок, наделяя его способностью проникать сквозь эндотелиальные клетки в ткани мозга и, что самое главное, проводить вслед за собой фермент.

В октябре 2011 года в лаборатории воглинского филиала НИИ молекулярной медицины было синтезировано уникальное вещество, получившее рабочее название IDAJ1703 – по первым буквам фамилий четырех исследователей, трудившихся над ним, и дате рождения дочери Алекса Джонса, которой из-за работы он уделял непростительно мало внимания.

Полученное вещество было протестировано сперва на клеточной культуре, а затем на лабораторных крысах с моделью окислительного стресса в нейронах и в обоих случаях продемонстрировало хороший результат. Эксперименты показали, что комбинация «модифицированный белок – фермент» успешно преодолевает гематоэнцефалический барьер и, попадая в нейроны, обеспечивает удовлетворительный антиоксидантный и антигипоксический эффект. В ходе дальнейших наблюдений за лабораторными животными было установлено, что уровень токсичных липидных пероксидов, а также естественного антиоксиданта глутатиона в клетках мозга крыс, длительно получавших новый препарат, полностью нормализовался.

Это была победа, которую можно было праздновать!

3

Но праздновать было рано.

Работы предстояло еще очень много. Требовалось несколько лет на проведение различных исследований, в том числе испытаний на здоровых добровольцах. И хотя предварительные результаты казались очень обнадеживающими, препятствие в виде нехватки финансирования не позволяло Алексу Джонсу и его коллегам продвинуться дальше.

Казалось бы, логично предположить, что создание перспективного лекарственного вещества непременно должно было привлечь желающих поучаствовать в его разработке. Но это лишь весьма поверхностное суждение, далекое от реальной жизни. На деле орфанные⁷ препараты окупаются довольно долго и не приносят большой прибыли, в то время как их продвижение обходится разработчикам в десятки миллионов долларов. Фармацевтические компании идут на большой риск, покупая у исследовательских коллективов «сырую заготовку», которая, вполне вероятно, провалится уже на начальных этапах испытаний. Но никто не станет рисковать понапрасну, и потому многие инновационные препараты, создателям которых не удалось заинтересовать инвесторов, обречены на бесславное забвение.

Подобная участь постигла бы и IDAJ1703, если бы Алекс Джонс всеми силами не воспрепятствовал этому. Он и так пожертвовал слишком многим ради его создания: позабыл об отдыхе и встречах с семьей, подсел на крепкие сигареты и заработал бессонницу, – и это было еще не самое главное. Все последние годы он игнорировал насмешки коллег, стойко сносил грозные взгляды начальства, считавшего, что он впустую растрчивает время и средства, и даже стерпел тот факт, что патент на препарат пришлось разделить с людьми, которые не имели к его созданию никакого отношения. Но он не был готов смириться с тем, что IDAJ1703 – его мечта, его детище – никогда не увидит свет!

На тот момент грантовые деньги уже давно закончились, а сам Алекс Джонс не располагал суммой, даже в сотни раз меньшей, чем ему требовалась. Однако, твердо уверенный в успехе нового препарата, он подготовил подробный исследовательский отчет, после чего обзвонил всех знакомых ему научных сотрудников, преподавателей профильных кафедр, а также старых университетских приятелей с просьбой посодействовать в поиске компании-спонсора. И относительно скоро по рекомендации одного из них он свел знакомство с Александром Александровичем К., медицинским директором российской инновационной биотехнологической компании «Биохрон».

Александр Александрович, или просто А. А., как обозначал его на страницах своего ежедневника Алекс Джонс, в свое время тоже закончил аспирантуру по фармакологии и начинал карьеру в качестве младшего научного сотрудника, поэтому между ними почти сразу установилось взаимопонимание по многим вопросам.

Пролистав исследовательский отчет красивыми крупными пальцами, А. А. спокойно заявил:

– Рассказы разработчика – это блестящая облатка. И совсем другое дело – что под ней.

– Я вас понимаю, – закивал в ответ Алекс Джонс. – И я готов поручиться за каждое слово, каждую цифру, представленную в этом отчете!

В ответ на это А. А. лишь снисходительно улыбнулся и покачал головой.

– Ручаться не нужно. Дайте нам препарат, и мы попробуем.

Именно с этих слов и началось их многолетнее плодотворное сотрудничество. При финансовой поддержке «Биохрона» клинические испытания IDAJ1703, которыми руководил единолично Алекс Джонс, были доведены до конца: препарат подтвердил свою эффективность

⁷ Орфанный препарат – фармацевтическое средство, разработанное для лечения орфанных (крайне редких) заболеваний.

в исследовании с участием людей и прошел государственную регистрацию, получив торговое название нейросод. В 2013 году на заводе в Рязанской области его начала производить компания «Цертус-Фарма», еще через год производство переместилось в Эстонию, а некоторое время спустя, после серии бюрократических проволочек и всевозможных уловок со стороны руководства института, препарат получил одобрение FDA⁸, а вместе с этим и возможность быть представленным на зарубежном рынке.

В истории с нейросодом несбыточный сон любого фармацевта-исследователя стал явлю: оригинальный препарат появился на аптечных полках. Невероятное, если не сказать фантастическое, событие для российской фармацевтики и огромный шаг вперед в карьере Алекса Джонса, к тридцати шести годам достигшего того уровня успеха, о котором многие могут только мечтать: почетная степень доктора наук, регулярные публикации в научных изданиях, признание и слава в профессиональных кругах и, помимо прочего, неплохие денежные вознаграждения.

Однако главный вопрос, который по-прежнему терзал Алекса Джонса и не давал ему покоя, заключался в следующем: сделался ли он от всего этого счастливее? Он давно уже не ощущал гордости за проделанный труд, а вот чувство неудовлетворенности, напротив, посещало его регулярно. И все потому, что, невзирая на успешно завершённые испытания и одобрение научного сообщества, несовершенство его изобретения было очевидным: нейросод не восстанавливал поврежденные нейроны и не избавлял от неврологического дефицита⁹, а только помогал сдерживать развитие болезни.

Такое положение вещей категорически не устраивало Алекса Джонса. Будучи по сути своей неутомимым искателем и одновременно самым безжалостным критиком собственной работы, он не желал останавливаться на середине пути и удовлетворяться достигнутым. У него уже были задумки относительно нового, гораздо более прогрессивного препарата, и он надеялся в скором времени начать претворять их в жизнь.

Примерно за два года до этого, как раз накануне окончания доклинических испытаний нейросода, брак Алекса Джонса тоже подошел к своему логическому завершению, о чем жена Катерина малодушно предпочла сообщить ему по телефону. Вместе с их дочерью она тогда гостила у своих родителей в Москве и, как обычно позвонив вечером, призналась, что больше не может притворяться, будто у них все хорошо, и что им лучше расстаться.

Это признание оказалось как нельзя более некстати. Алекс Джонс и без того был утомлен и морально измотан и с нетерпением ждал момента, когда все его дела закончатся и он сможет взять небольшую передышку, во время которой, как он надеялся, их с Катериной отношения немного восстановятся. Но в тоне ее голоса звучала такая непоколебимая решимость, что Алекс Джонс сразу понял: переубедить ее не удастся. Да и сам он уже не был уверен, что хочет этого.

После того как они с Катериной официально оформили развод в Москве, Алекс Джонс сразу же вернулся в Воглино. Когда он впервые вошел в опустевшую, непривычно тихую квартиру, где не пахло горячим ужином, а под ногами не валялись детские игрушки, ему сделалось не по себе. Но прошла неделя его холостяцкой жизни, а за ней вторая и третья, и ему это стало даже нравиться. Он не слишком тяготился одиночеством и уж точно не скучал по семейным скандалам с хлопаньем дверями и криками. Стало так спокойно, словно он переселился на необитаемый остров, только с приятным бонусом в виде возможности иногда выбираться в люди.

⁸ Управление по контролю качества продуктов и лекарственных средств США.

⁹ Неврологический дефицит – термин, которым обозначают неврологические симптомы, характерные для поражения определенных структур центральной или периферической нервной системы.

Распаковывая чемодан, Алекс Джонс удивлялся, как это все-таки просто: вот так взять и разрушить то, что многие годы казалось неизблемым. Он всего лишь скатался на «Сапсане» в Москву, забрал свои вещи, которых оказалось немного, и сухо попрощался с родителями теперь уже бывшей жены, после чего сел в такси и уехал обратно на вокзал, стараясь по дороге не вспоминать, как заплаканная Ариша цеплялась своими маленькими ручками за воротник его пальто.

Если бы Алекс Джонс действительно хотел, разлуки с дочерью можно было бы избежать: его, вообще-то, звали обратно в Москву, но он не поехал. Квартира, в которой он жил с семьей до переезда, принадлежала родителям Катерины, и после развода он уже не мог туда вернуться, а приобретать жилье в столице было на тот момент слишком накладно, да и незачем, ведь вся его жизнь теперь сосредоточилась в Воглине.

Спустя примерно год после того, как нейросод был официально запущен в производство, между руководством НИИ и представителями «Биохрона» была достигнута договоренность о дальнейшем взаимодействии. Все имущество воглинского филиала оставалось собственностью института, который, как и прежде, продолжал курировать деятельность лаборатории, а ее спонсирование и, соответственно, право распоряжаться изобретениями закреплялось за «Биохроном». Заведующим лабораторией вполне предсказуемо был назначен доктор Алекс Джонс, впервые за долгое время почувствовавший себя полноправным хозяином своей судьбы и навсегда оставивший мысли о возвращении в головной институт.

За девять лет, прожитых в Воглине, он накрепко привязался к своему месту обитания и теперь с большей уверенностью мог называть себя воглинцем, нежели когда-то москвичом. Близость к Санкт-Петербургу позволяла ему сосредоточиться на работе и при этом не чувствовать себя оторванным от столичной жизни, а неспешность маленького городка с населением в сотню тысяч человек ежедневно проливалась бальзамом на его расшатанные нервы.

Нравилось Алексу Джонсу и то, что у Воглина была своя интересная история. За пять веков существования он успел побывать «деревней при речке безымянной», по Столбовскому договору¹⁰ отойти к шведам, которые переселили в него финноязычных лютеран – савакотов и эврейсов¹¹, вернуться к России в период царствования Петра I, а в годы Великой Отечественной войны послужить военным складом и эвакогоспиталем.

Название города, по одной из версий, происходило от ныне малоупотребительного русского слова «волглый» – «сырой, напитавшийся влагой» – и корнями уходило в те далекие времена, когда на его месте стояла деревня, которую каждую весну затапливало половодьем. По другой же версии, топоним Воглино образовался путем озвончения глухой фонемы «ф» в шведском слове «fågel» – «птица», и этот факт, судя по всему, имел самое прямое отношение к тому, что на гербе Воглина был изображен черный дрозд – фигура, в геральдике используемая редко и не лишенная отрицательного значения¹².

Обо всем этом Алекс Джонс узнал случайно, как-то раз со скуки забредя в местный краеведческий музей. Прельстившись милыми ямочками на щеках экскурсоводши, он незаметно присоединился к группе и так увлекся, что дослушал экскурсию до конца. Это было странно для него: не то чтобы он считал себя односторонним ученым-фанатиком, заикленным только на своей работе, но и человеком широких интересов его назвать было тоже нельзя. Все его увлечения были поверхностными, быстро сменяясь одно другим, будь то походы в филармо-

¹⁰ Столбовский мир – мирный договор, подписанный 27 февраля (9 марта) 1617 г. в деревне Столбово. Положил конец русско-шведской войне 1614—1617 гг.

¹¹ Савакоты, эврейсы (эурямейсет) – народности финского этноса, после переселения в Ингерманландию составившие основу этногенеза ингерманландских финнов.

¹² В искушениях святого Бенедикта дьявол явился ему в образе черного дрозда. Он пытался отвлечь Бенедикта от молитвы, но тому удалось противостоять ему благодаря крестному знаменю.

нию, стрельба из боевого пистолета или изучение финского языка. Но ничего по-настоящему увлекательного для себя Алекс Джонс так и не находил.

В последние несколько месяцев ему и вовсе пришлось отложить все развлечения и с головой погрузиться в организационные и правовые дела, связанные с разработкой его нового генно-инженерного препарата. ROM-28 – такое условное название Алекс Джонс присвоил своему изобретению – уже вызвал живой интерес специалистов и прессы, хотя никакой официальной информации по этому поводу «Биохрон» пока не давал.

Технология производства ROM-28 была куда более сложной, чем у нейросода, и в упрощенном виде ее суть заключалась в модифицировании клеток пуповинной крови человека путем встраивания в них искусственных молекул ДНК, которые кодируют белки, стимулирующие регенерацию нейронов. Доктор Алекс Джонс и его команда уже провели испытания ROM-28 на трех разных биологических моделях: бокового амиотрофического склероза у мышей, контузионной травмы спинного мозга у мини-свиней и ишемического инсульта у крыс, – и выяснили, что при введении препарата мини-свинье с контузионной травмой парализованные задние конечности животного постепенно начинают двигаться.

Это означало, что ROM-28 имел немалые шансы на успех, однако работа над новым препаратом, несмотря на ее первостепенную значимость, уже вымотала Алекса Джонса до предела. Она занимала все его мысли и была причиной невыносимой, нередко в буквальном смысле этого слова, головной боли. Чтобы сохранить работоспособность, ему приходилось прибегать к помощи обезболивающих, которые ради усиления эффекта он принимал в комбинации с односолодовым шотландским виски или, реже, французским коньяком. Со стороны это наверняка выглядело плачевно, но, помимо надуманной проблемы начинавшегося алкоголизма, перед Алексом Джонсом стояла и другая, вполне реальная. Она касалась Росздравнадзора.

Эта федеральная служба, находящаяся в ведении Минздрава, осуществляла контроль и надзор в сфере здравоохранения и представляла собой серьезный барьер на пути любого исследовательского коллектива, желающего получить разрешение на проведение испытаний нового препарата. На прошлой неделе Алекс Джонс отправил в Росздравнадзор протокол клинического исследования – самый важный документ, содержащий в себе организационные детали¹³ предстоящих тестов. Как уполномоченный орган здравоохранения, Росздравнадзор совместно с этическим комитетом должен был оценить адекватность поставленных научных задач, убедиться в соблюдении мер по защите прав участников испытаний и принять решение о возможности их проведения. Рассмотрение заявки, как правило, занимало от нескольких недель до полугода, а поскольку в случае с ROM-28 речь по-прежнему шла об орфанном препарате, полезность которого еще нужно было доказать, никакие связи «Биохрона» в Минздраве не могли ускорить этот процесс.

Алекс Джонс старался не думать о том, что будет с ним и его разработкой, если Росздравнадзор ответит отказом; в конце концов, со своей стороны он сделал все, что мог. Ничего не скрыл, нигде не приврал – стало быть, и волноваться ему не о чем. Такое самоутешение некоторое время помогало ему, а потом тревожные мысли снова возвращались. Чтобы отвлечься от них, Алекс Джонс решил взять двухнедельный отпуск и слетать в гости к родителям, которых он не видел уже несколько лет, но потом передумал и купил билет на «Сапсан». Хорошо, что он не сообщил Арише о своем приезде заранее, потому что до вокзала он так и не добрался. Идея с отпуском вдруг показалась ему совершенно неуместной; он сдал билет и по привычке продолжал приходить в лабораторию, чтобы крутиться на стуле, курить на пару с Игорем и делать вид, что его присутствие на рабочем месте немало помогает делу.

¹³ А именно: задачи, методологию, процедуры, статистические аспекты и организацию.

Надежды на то, что кто-нибудь поможет ему скрасить томительные дни ожидания, Алекс Джонс не питал. Но самые неожиданные события, как это часто бывает, происходят именно тогда, когда их меньше всего ждешь.

4

Толкнув безликую пластиковую дверь, на месте которой еще недавно красовался безупречный образец стиля модерн, с вырезными узорами и изящной кованой ручкой, павший жертвой модернизации (бог знает, в какой печи он закончил свой век), Алекс Джонс вышел из здания института и с облегчением вдохнул прохладный влажный воздух. Февраль был на исходе, и неизбежные признаки грядущей весны понемногу прокрадывались на улицы города. Из-за плюсовой температуры снег, которого в этом году и так было мало, очень быстро таял и кусками сползал с крыш, ухаясь на оголенный асфальт. Правда, сегодня, в качестве исключения, с неба с самого утра сыпались редкие, но крупные, размером с горошину, снежинки. Алекс Джонс поднял воротник пальто, чтобы они не попадали ему за шиворот, и зашагал в направлении дома, на ходу распечатывая новую пачку сигарет.

Квартира, которую он снимал после развода с женой, располагалась в недавно построенном жилом комплексе комфорт-класса в пятнадцати минутах ходьбы от института, поэтому Алекс Джонс редко пользовался автомобилем, предпочитая добираться до работы и обратно пешком. При его сидячем образе жизни, а также полнейшем равнодушии ко всем видам спорта прогулки по парку были для него чуть ли не единственной возможностью размять занемевшую спину и внести посильный вклад в поддержание своего здоровья.

Шагая по парковым аллеям с совершенно равнодушным видом, он не слишком вглядывался в лица встречных прохожих, но иногда краем глаза подмечал, что девушки, женщины – молодые и не очень – с интересом рассматривают его, и всякий раз не без тайного удовольствия осознавал, что до сих пор может считаться привлекательным. Да и могло ли быть иначе, при его-то статусе и научных регалиях?

Алекс Джонс усмехнулся и остановился под деревом, чтобы прикурить сигарету. Сколько себя помнил, он никогда не был обделен женским вниманием, даже несмотря на свой угрюмый характер и язвительность. В школьные годы подружек у него было значительно больше, чем друзей; такое же соотношение сохранялось и во время учебы в университете. Правда, беда была в том, что девушки, которые нравились ему в романтическом смысле, почему-то видели в нем только хорошего друга, а влюблялись непременно в кого-то другого. Но потом Алекс Джонс встретил свою будущую жену, и все это в один момент стало неважно.

Они познакомились на новогодней вечеринке в компании общих друзей. Катерина была не из Сеченовки, да и вообще не из медицины. Она училась на втором курсе экономического факультета и даже не отличала антибиотики от противовирусных. За пару недель до праздника она тяжело рассталась со своим молодым человеком, поэтому заботливые друзья пригласили ее на вечеринку и посадили рядом с единственным свободным парнем. Алекс Джонс и не думал, что сумеет заинтересовать девушку, которая только что потерпела неудачу в отношениях, но вышло как раз наоборот...

Любовь, связывавшая их с Катериной много лет, была самой что ни на есть настоящей, но даже она не выдержала проверку временем и суровой действительностью. После развода Алекс Джонс окончательно разочаровался в институте брака и решил больше никогда не искать серьезных отношений. Погрустив некоторое время без женской заботы, он скоро понял, что со всеми бытовыми вопросами, для решения которых мужчине может понадобиться жена, ему под силу справиться самому. Он покупал рубашки из немнущегося хлопка, ужинал в кафе, когда было лень готовить, а по вечерам допоздна сидел в своей тихой уютной гостиной, переоборудованной в рабочий кабинет, под настроение разбавляя одиночество двумя-тремя порциями виски со льдом и ревностно оберегая свою независимость от внешних посягательств.

Когда же естественные потребности организма брали верх над его идейными убеждениями, Алекс Джонс приводил себя в порядок: надевал выходную рубашку, аккуратно причесы-

вался, – и, надушившись любимым «Фаренгейтом» (не подделкой, а оригинальным, «диоровским», который Ариша привезла ему в подарок из школьной поездки в Париж), отправлялся искать счастья в Петербург. Там, среди разнообразия столичных развлечений, он отыскивал себе какой-нибудь незамысловатый досуг. Обычно это были музыкальные вечера в арт-кафе и джаз-барах, где за стойкой можно было попытаться свести знакомство с симпатичной любительницей хорошей музыки или даже начинающей певицей.

Попыткам Алекса Джонса не всегда сопутствовало везение, но на его памяти было как минимум несколько случайных знакомств, имевших весьма приятное продолжение. В редких, почти исключительных случаях, когда отношения не заканчивались одной проведенной вместе ночью, у него появлялась компания для походов в кино или театр, но ни с кем из дам он не встречался дольше месяца. Не желая прослыть негодяем, даже в глазах женщин, которых он больше никогда не увидит, Алекс Джонс всегда предупреждал заранее о несерьезности своих намерений. К сожалению, не всем его подругам удавалось правильно расслышать то, что он говорил, и потому за пять лет свободной жизни Алекс Джонс был вынужден сменить не один номер телефона, спасаясь от назойливого внимания. Кроме того, он никогда не приглашал женщин домой и по установленному самому себе строгому правилу избегал знакомиться в маленьком Воглине.

Конечно, со стороны это могло быть расценено как поведение человека легкомысленного, моралисты даже употребили бы слово «неразборчивого», и только те, кто знал Алекса Джонса еще до развода, понимали, что это совсем не так. По натуре он был однолюб и, будучи женатым, никогда даже не помышлял об измене. Но теперь, освободившись от обязательств, он не мог отказать себе в удовольствии раз за разом находить подтверждение тому, что даже в таком возрасте он по-прежнему интересен женщинам.

Внешность Алекса Джонса, если верить стороннему мнению, в целом соответствовала облику ученого-исследователя – по крайней мере, при знакомстве люди не очень удивлялись, когда узнавали, чем он зарабатывает себе на жизнь. Черты его лица были резковатые, не слишком изящные, но по-своему привлекательные. Меньше привлекало то, что он редко улыбался и, по обыкновению, имел угрюмый вид. Зрение у него было неважное – сказались часы, проведенные за микроскопом, – и он носил очки без оправы, сквозь которые пристально наблюдали за миром серо-голубые, с опущенными внешними уголками глаза. Он был высок и худощав – настолько, что временами подумывал приобрести абонемент в фитнес-клуб, расположенный неподалеку от его дома, но для систематических занятий спортом у него не было ни времени, ни искреннего желания.

Женщины, как уже было сказано, считали Алекса Джонса интересным, мнение же мужчин разделялось: одним он нравился, другим казался заносчивым и высокомерным. Его самого это совершенно не волновало. И с теми и с другими он был подчеркнуто вежлив, под настроение мог перекинуться парой фраз, поговорить на отвлеченную тему или обсудить текущие новости, но дружеских контактов не поддерживал. Ему в друзья тоже никто не набивался. А вот в подруги!..

Несмотря на статус завидного жениха, Алекс Джонс в самом деле не имел ни малейшего желания еще раз связывать себя серьезными отношениями. Печальный опыт супружества и его недоверчивость к людям оказали ему дурную услугу: обольстительные женские речи перестали будоражить его рассудок. Теперь он точно знал, что женщины могут клясться в вечной любви, а после упрекать в том, что он не оправдал их ожиданий. Заверения в духе «Ах, как хорошо нам было бы вместе...» не производили на него ровным счетом никакого впечатления, и единственной дамой, с которой он поддерживал постоянные и близкие связи, была наука. Только отсутствие матримониальных умыслов и живой ум образованного человека могли бы, наверное, вызвать его искренний интерес, но для этого нужна была такая женщина!.. Впрочем, он и сам не знал – нужна ли?

В тот момент, когда Алекс Джонс вышел из парка и зашагал по слякотному асфальтовому тротуару, в кармане его пальто загудел телефон. Алекс Джонс посмотрел на экран и, увидев имя бывшей жены, недовольно дернул плечом. «Снова забыл перевести деньги, будет скандалить», – мелькнуло в его голове, пока он думал, отвечать на звонок или нет. Катерина звонила ему редко и всегда по делу. Так было и в этот раз, только с поводом Алекс Джонс не угадал: она обдумала его предложение взять Аришу к себе на несколько дней и решила, что дочери все-таки не следует пропускать школу; у нее тройка по химии, а в следующем году вообще государственная аттестация.

– Ты могла бы и не нагнетать обстановку заранее, – возразил Алекс Джонс. – Почему я только сейчас узнаю, что у нее тройки, тем более по химии?

– Послушай, я не понимаю, что за претензии? Арина неважно учится, ты редко этим интересуешься. Почему я должна объяснять тебе, что уроки ей пропускать нельзя?

– Потому что я ее отец, а ты делаешь все, чтобы мы редко виделись.

– Это неправда, Алекс! Я всегда говорю тебе: приезжай когда хочешь, звони когда хочешь. Забирай ее, когда есть такая возможность, но только не во время учебы!

– Но я уже все придумал. Почти купил билеты в «Мюзик-холл», узнал, в каких спектаклях играет этот ее любимый актер. Я ведь сообщил тебе заранее, а теперь ты говоришь, что не отпустишь ее!

– Да, не отпущу. И вообще, я не понимаю, почему тебе вздумалось идти в театр именно в начале марта. Каникулы будут через три недели, вот тогда и сходите.

– Свободное время у меня появилось только сейчас. И я не знаю, что будет дальше. Ты же понимаешь, что ответ из здравнадзора может прийти в любой момент.

– Ну да, конечно! Важны только ты и твоя наука.

– Я пообещал Арине, понимаешь?

– Ты пообещал ей полгода назад. И этот актер ей уже даже не нравится, можешь сам спросить.

Скрипнув зубами, Алекс Джонс попытался сохранить спокойствие.

– Знаешь, вот уже не первый раз задумываюсь, откуда в тебе столько злости?

– Все, Алекс. Разговор окончен, – оборвала его Катерина, и голос у нее дрогнул. – Жду от тебя перевод. Пока.

Алекса Джонса раздражало непробиваемое упрямство бывшей жены. После общения с ней он всегда чувствовал себя родителем-неудачником, хотя в этом не было ни его особой вины, ни преднамеренного умысла: он не мог быть рядом с дочерью просто в силу обстоятельств. Впрочем, все было не так уж плохо, потому что Алекс Джонс не сомневался, что их с Катериной разговор завершится именно на такой ноте, а это уже говорило о стабильности их непростых отношений. Несколько успокоившись этой мыслью, он быстро перешел дорогу в неполюженном месте и направился к дому.

5

В подъезде было тепло, пахло дорогим мужским одеколоном и отсыревшей штукатуркой. Сняв заляпанные снегом очки, Алекс Джонс сощурился и машинально оглядел аккуратные ряды почтовых ящиков. В своем он заметил белый уголок бумаги, едва торчащий из-за дверцы. Он обратил на него внимание только потому, что не ожидал ничего там увидеть: бесплатные газеты обычно разносили по вторникам, научные журналы он выписывал прямо на работу, а квитанции за коммунальные услуги приходили в двадцатых числах месяца.

Стало быть, письмо.

Подойдя к ящикам, Алексе Джонс сложил пальцы щепоткой и осторожно потянул за уголок. Сомнения сразу отпали: это действительно было письмо, только конверт отличался от стандартных конвертов «Почты России». Алекс Джонс задумчиво повертел его в руках, разглядывая со всех сторон: добротная шероховатая бумага, хельсинкский штемпель, верхняя часть конверта сплошь уклеена пестрыми марками с изображением муми-троллей; помнится, Ариша очень любила их в детстве. На лицевой стороне ровным почерком выведено имя получателя: «Dr. Alexandr Johns...»¹⁴, ниже – его домашний адрес, а в верхнем левом углу: «Fru Nele Zachrisson, Waterfall House, FI55120»¹⁵.

Алекс Джонс перечитал эту строчку еще раз и немного смутился. Он не знал никакой Неле Закриссон, хотя фамилия показалась ему подозрительно знакомой, и он скоро сообразил почему. Это было лишь совпадение, потому что к тому самому Закриссону отправительница письма не могла иметь никакого отношения. У Алекса Джонса была только одна знакомая с таким именем, но она не проживала в Финляндии и к ней никто не обращался «фру»¹⁶. По крайней мере, так было в то время, когда они поддерживали общение. Могло ли все настолько измениться?

Поднявшись в квартиру, он первым делом раздобыл в кабинете канцелярский нож и нетерпеливо взрезал одну сторону конверта, немного повредив голову марочного муми-папы. Внутри конверта оказался простой лист бумаги, сложенный втрое. С чувством легкого волнения и любопытства Алекс Джонс развернул его и принялся читать.

Уважаемый д-р Джонс.

Кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как мы виделись с Вами в последний раз. Надеюсь, мое письмо не покажется Вам странным после стольких лет молчания. Считайте его письмом-приглашением: я была бы счастлива, если бы Вы согласились провести выходные в доме моего мужа в Финляндии. Нам известно, что в Ваших исследованиях как раз наступил небольшой перерыв.

Пожалуйста, только не подумайте, что Вы будто бы находитесь под наблюдением. Мой супруг проявляет к Вашей работе исключительно профессиональный интерес. Уверена, вам двоим будет что обсудить за ужином или во время приятной прогулки по живописным финским лесам.

Прошу Вас дать ответ в ближайшее время в письме или по телефону, указанному на вложенной визитке.

*С наилучшими пожеланиями,
Неле Закриссон, урожденная Линд.*

¹⁴ «Д-ру Александру Джонсу».

¹⁵ «От фру Неле Закриссон, Уотерфол Хаус, FI55120».

¹⁶ Fру – «госпожа» (швед.); обращение к замужней женщине или форма вежливого упоминания о ней в скандинавских странах.

Доктор Алекс Джонс задумчиво потерял уголок выпавшей ему на колени визитки, покусал нижнюю губу. И как все это понимать? Он прислушался к себе и обнаружил, что его сердце колотится быстро и гулко, как при лихорадке, и это удивило его так же сильно, как и содержание письма, хотя сам он не считал себя человеком, которого можно легко удивить. Пребывая в состоянии некоторой растерянности, он сунул письмо в карман пальто, которое все еще было на нем, и прошел на кухню выпить воды. Дважды открывал холодильник в поисках вчерашней минералки и во второй раз, наткнувшись взглядом на початую бутылку виски, смутился, словно неверный муж, заметивший любовницу в толпе прохожих. Голова опять туманилась и звенела.

Чувствуя, что разнервничался сильнее положенного, Алекс Джонс вышел на балкон и принялся судорожно доставать из пачки сигарету. Воздух за окном был терпким и влажным, откуда-то издалека, с окраины, сладковато тянуло жженой резиной. Затянутое хмурой пеленой небо плавно погружалось в сумерки, а снег так и не прекращался. Алекс Джонс спрятался от него за одной из створок раздвижного окна и курил, стараясь не стряхивать пепел на коврик.

Ему хотелось продолжить спор с Катериной: «С чего ты взяла, что наша дочь не любит мюзиклы? Наверное, я сам решу, как проводить с ней время», – но потом он подумал, что бывшая жена может оказаться права. До сих пор ему казалось, что поход в театр – это хорошая идея, он даже готов был терпеть оглушающе громкую музыку и толкотню в буфете. Но на самом деле подарок, который он собирался преподнести Арише на день рождения, мог ей совсем не понравиться. По всему выходило, что меньше чем через три недели его единственной дочери исполнится четырнадцать, а он даже не знает, чем ее можно порадовать. Хороший отец, нечего сказать! И тут еще Линд со своим приглашением...

На часах было пятнадцать минут шестого. Алекс Джонс закурил вторую сигарету. Он всматривался в бело-лунные сумерки и понемногу осознал, что его устоявшийся отшельнический мирок только что пошатнулся. Чиркнув зажигалкой, он посмотрел на пламя, колеблемое ветром, и подумал: почему бы его просто не сжечь, это письмо? Сделать вид, что оно потерялось на почте, и тогда на него можно не отвечать.

А все ж таки любопытно! Нелли Линд вернулась. Выходит, его первая догадка оказалась верной. Но все равно это как-то не укладывалось в голове: и Закриссон, и Финляндия, – Алекс Джонс никак не мог увязать одно с другим. Их последняя встреча с Нелли Линд состоялась, наверное, года три назад. Вроде не так уж давно, а по ощущениям – будто целая вечность. За эти годы в его жизни произошло немало примечательных событий, и логично бы предположить, что и жизнь Линд была не менее насыщенной, но... Да, иначе как «но все равно» и не скажешь! Какой, к черту, Закриссон? Какая Финляндия? Больше похоже на чей-то неостроумный розыгрыш, вроде подложенной на стул кнопки, и хуже всего было то, что эта «кнопка» предназначалась ему, и улыбаться тут нечему, но Алекс Джонс ничего не мог с собой поделаться и улыбался одними уголками губ.

Сентиментальность, как и возраст, подкралась к нему незаметно, а может, они пришли рука об руку? И вот он уже спрашивал себя, почему взрослый мужчина вдруг разволновался из-за какого-то письма? Почему его вообще интересует личная сторона чужой человеческой жизни? Может, потому что воспоминания до сих пор живы в его памяти?..

Нелли Линд – а вовсе не Неле, как в письме, – была его студенткой. Длилось это недолго, всего один семестр. Уже позже Алекс Джонс не раз задавался вопросом, как его вообще угораздило сблизиться с ней, после того как на первом же занятии она позволила себе замечание, которое ему не понравилось: сказала, что он объясняет тему очень поверхностно и неподготовленным умам совсем ничего не понятно. Почему он тогда просто отшутился и не стал наказывать ее каким-нибудь невыполнимым заданием? Видимо, не рассчитывал, что придется выслушивать претензии студентов. Однако, когда он начал рассказывать им о новом препода-

рате, только что запущенном в разработку его институтом, Линд слушала увлеченно, а после подошла к нему, чтобы попроситься словами: «Спасибо, вторая часть семинара была намного интереснее». Многообещающее начало, подумал тогда Алекс Джонс, одним движением захлопывая журнал учета посещаемости.

Должность преподавателя фармакологии у студентов-третьекурсников питерского медицинского университета он занял случайно. Об этом его попросил старый добрый знакомый, и причина оказалась веская: внезапно тяжело заболел один из сотрудников кафедры, и вести занятия у нескольких групп было просто некому. Особым талантом преподавания Алекс Джонс не обладал и развиваться в этом направлении, в общем-то, не собирался. Он скупно излагал студентам весь положенный материал, но не считал нужным рассказывать им то, что не входило в обязательную программу. Он ставил им хорошие отметки за конспектирование учебника, если в аудитории царили тишина и порядок, но в целом ему было все равно, как будущие доктора усваивают сложные темы. Это было явное пренебрежение возложенными на него обязанностями, совсем ему не свойственное. Но к его общей подавленности, вызванной расставанием с женой, добавилась потаенная неприязнь к студентам с их откровенной ленью, наглостью и узколобием. Безусловно, среди них были неплохие ребята, серьезно нацеленные на освоение профессии, но большинство все же вызывало у Алекса Джонса необъяснимое раздражение. И хотя ему приходилось видеть их каждую неделю, он старался оставаться равнодушным и свести общение со студентами к минимуму.

Однако Нелли Линд чем-то отличалась от других. У нее была неплохая успеваемость по его предмету, и на семинарах она отвечала всегда так, как отвечают уверенные в своих знаниях люди, даже если в действительности тема не очень хорошо изучена. Линд отличало настойчивое желание додуматься до всего самой. Обычно она задерживалась после занятий, чтобы задать интересующие ее вопросы о современных лекарствах, исследованиях и последних фармакологических разработках. Как-то раз Алекс Джонс невзначай поинтересовался, уж не собирается ли она всерьез связать свою жизнь с наукой, на что Линд ответила утвердительно и сходу пересказала ему содержание нескольких научных статей из электронного журнала, на который он сам был подписан. Вот тут-то Алекс Джонс действительно удивился и даже немного проникся к Линд. И потому решил сказать ей все как есть.

– А ты не думаешь, что существуют куда более перспективные и прибыльные специальности? Жить на зарплату простого научного сотрудника, конечно, можно, но вряд ли такая жизнь тебя устроит.

– Доктор, а против чего вы, собственно, так высказываетесь? Вашей отрасли не нужен приток молодых кадров? – возмущенно отреагировала на его слова Линд.

– Нет, мне отраднее слышать, что хоть кого-то из студентов интересует исследовательская деятельность, – ответил Алекс Джонс. – Но я по-прежнему советую тебе выбрать нормальную профессию.

– Вы поймете, что свой выбор я уже сделала... если узнаете меня ближе. – Линд тряхнула головой, и непослушная темно-русовая прядь упала ей на лицо. Она быстро убрала ее за ухо и улыбнулась.

И тогда Алекс Джонс сделал то, чего не должен был делать: он ответил что-то вроде «посмотрим» и, кажется, даже подмигнул Линд, а в довершение благосклонно разрешил ей обращаться к нему с любыми непонятными вопросами, касающимися непосредственно научной деятельности. На самом деле ничего сверхъестественного в этом не было. Он ведь не позволял себе чего-то неразумного. Конечно, их с Линд часто видели вместе, могли пойти ненужные кривотолки. Но, во-первых, он был ее преподавателем, пусть даже молодым и разведенным. А во-вторых, его репутация была настолько безупречной, что не произошло бы большой беды, если бы кто-нибудь ее немного подпортил.

Но ничего такого, разумеется, не случилось. Нелли Линд оставалась для него обыкновенной студенткой, и в течение пяти месяцев своего преподавательства Алекс Джонс не уделял ей во время семинаров никакого особого внимания. В конце семестра он всем поставил в зачетки «хорошо», хотя от него не укрылось, что Линд была разочарована и даже озадачена такой несправедливостью. После завершения занятий она несколько раз писала ему на электронную почту, но Алекс Джонс намеренно не отвечал. Он думал, что так будет лучше, а потом оказалось, что Линд принадлежала к числу тех людей, которые не то чтобы возмутительно навязчивы, но тем не менее могут пойти на многое, чтобы получить то, что им хочется.

– Подождите, пожалуйста, доктор Джонс! – окликнул его знакомый голос. – Доктор Джонс, на кафедре мне сказали, что если вас нет в преподавательской, значит, вы уже ушли. И я подумала, что, может быть, сумею вас догнать...

Линд выбежала за ним прямо в белом халате, тяжело дыша и на ходу поправляя волосы. Ведь не лень же ей было искать его по всему университету!

– Да, сегодня последний день, – сказал Алекс Джонс, – так что в следующем семестре у вас будет новый преподаватель. Ну а я, к счастью, больше не...

– Больше не придете, – договорила за него Линд. – Да, я это понимаю. Именно поэтому я решила, что мне нужно поговорить с вами еще раз.

Несколько секунд она молчала, потому что никак не могла отдышаться.

– Ужасно колотится сердце... Я чуть не задохнулась, пока бежала за вами.

– Так о чем ты хотела поговорить?

– Все о том же, доктор Джонс, – звонко и отчетливо проговорила Линд. – Дважды я отправляла вам на электронную почту письмо, и в этом письме я просила...

– Да, я помню.

– А я не сомневалась, что вы их читали! Почему же не ответили?

– Тебе, наверное, неизвестно, – спокойно начал Алекс Джонс, – что посторонним не место в лаборатории. И, кроме того, я вообще не понимаю, как ты собираешься два раза в неделю ездить в Воглино из Петербурга.

– Ну, это уже мое дело, доктор. Мне нужно только знать, что вы не против.

Испытующим взглядом темно-карих глаз Линд смотрела в упор на Алекса Джонса. И тот понял, что исход этого разговора был предрешен заранее.

– Ладно, попробую для начала добыть тебе пропуск, но ничего не обещаю. Если я правильно помню, Линд... а имя?

– А я и не думала, что вы запомните, – с некоторым вызовом сказала она и добавила: – Нелли Линд. Но вы можете называть меня по фамилии.

В связи с появлением в лаборатории нового человека Алексу Джонсу пришлось выслушать немало шуточных замечаний по этому поводу. И хотя он поддался на просьбу Линд с явной неохотой, расценивая эту затею как пустую трату его времени, он сразу отказался от мысли завалить ее бестолковой бумажной работой.

К присутствию Линд он привык довольно быстро. Она не лезла к нему под руку во время выполнения биологических проб, не пыталась его разговорить, не доставала дурацкими вопросами, а самое главное, в их отношениях не возникло никакого романтического подтекста. Правда, временами Алекса Джонса посещала мысль, что со стороны Линд все могло быть не столь однозначно, но поводов для подозрений она не давала, а в собственном благоразумии он никогда и не сомневался.

По возрасту Линд годилась ему в младшие сестры и в целом была не в его вкусе, хотя лицо с высокими скулами в некоторых ракурсах выглядело очень выразительно. А если ее подкрасить и причесать, то получится вполне симпатичная молодая женщина. И стройная фигурка под халатом совсем неплоха, особенно на фоне наскучившего окружения. Только ценил ее Алекс Джонс, конечно же, не за это.

Линд неплохо справлялась с его поручениями, и очень скоро, когда она окончательно завоевала его доверие, они договорились о распределении обязанностей: Алекс Джонс отвечал за практическую часть исследования, а Линд занималась обработкой статистических данных, которая неизбежно сопутствует любому эксперименту и требует от исполнителя предельной внимательности и собранности.

Когда началась серьезная работа над нейросодом, Алексу Джонсу приходилось обращаться за помощью к Линд довольно часто, и она никогда не отказывала. Она ассистировала ему во время экспериментов, по нескольку раз перепроверяла расчеты, чтобы не допустить случайной ошибки, бегала в кафетерий за кофе и булочками. Словом, стала незаменимым помощником, к присутствию которого привыкли все сотрудники лаборатории, да и сам Алекс Джонс. Иногда он даже представлял себе, как через полгода, а может быть, и раньше он протянет Линд приглашение на фуршет в честь успешного запуска клинических испытаний нейросода и как она, вероятно, окажется этому рада. Но его представлениям не суждено было стать реальностью. Между ними произошел неприятный инцидент, вспоминать о котором Алексу Джонсу не хотелось и по сей день, а ведь тогда Линд даже толком не дала ему объясниться.

«Вы меня еще вспомните, доктор!» – бросила она в его сторону и выскочила за порог. Это было три года назад, а сегодня Нелли Линд поставила перед ним непростую задачу: как правильно ответить на письмо из прошлого?

– Написать бы ей, пусть идет... Впрочем, нет, одну минуту! – Любопытство пересилило гордость, и Алекс Джонс поспешил в свой кабинет. – Да где же он... А, вот! – Отыскав в своем архиве ноябрьский выпуск «Фармацевтического вестника», он скинул верхнюю одежду и принялся нетерпеливо листать страницы.

Если ему не изменяла память – а с ней такое случалось крайне редко, – именно в этом выпуске журнала была опубликована большая статья о «Закриссон Фарма Кемикал», одной из крупнейших фармацевтических компаний Европы, производственные комплексы которой расположены в семи странах мира, а акции котируются на американских фондовых биржах.

За минувшие два десятилетия компания пополнила рынок несколькими хорошо зарекомендовавшими себя лекарствами, но по-настоящему значительный успех «Закриссон Фарма» принес выпуск первого таргетного препарата для лечения рака легких¹⁷. В статье, приуроченной к юбилею компании, ему была отведена целая колонка, в которой приводились данные пятилетней выживаемости больных, получавших препарат в качестве адъювантной¹⁸ терапии.

Алекс Джонс никогда не замечал за собой явных признаков завистливости и в целом радовался чужим успехам, особенно с тех пор, как сам сумел занять достойное место в мировом научном пространстве, так что он и в мыслях не держал сравнивать себя с каким-то Закриссоном. Но в этой хвалебной статье ему не нравилось все, и прежде всего – прилагаемые к ней фотографии.

Это были шаблонные коммерческие снимки. На первом крупном плане был изображен молодой мужчина в ослепительно-белом халате. Он что-то рассказывал: возможно, нахваливал новое лабораторное оборудование, а может, просто встал так по просьбе фотографа. «Йоханнес К. Закриссон – глава компании с 2014 года», – гласила подпись. Второй снимок представлял собой панорамное изображение одного из гринфилд-заводов¹⁹ «Закриссон Фарма Кемикал», обустроенных по последнему слову техники, и был озаглавлен так: «Инновации в производственной сфере на благо пациентов – основа нашей работы».

Была здесь и третья фотография.

¹⁷ Таргетная терапия – лекарственное лечение злокачественных опухолей, в основу которого положено воздействие препарата на специфические молекулы, участвующие в прогрессе опухоли.

¹⁸ Адъювантная терапия – вспомогательное лекарственное лечение онкологических заболеваний, дополняющее хирургические и лучевые методы и направленное на уничтожение отдаленных микрометастазов.

¹⁹ Green Field (GF) проект – вариант строительства нового завода «в поле», на новой площадке.

Алекс Джонс не мог понять, каким образом он не обратил на нее внимание раньше. На фото была Нелли Линд, и ошибки здесь быть не могло – именно эта молодая женщина когда-то приходила к нему в лабораторию два раза в неделю. На ней было простое, но довольно элегантное платье темно-зеленого цвета, а в ушах поблескивали крупные жемчужные сережки. Позади Линд, положив руку ей на талию, стоял Йоханнес Закриссон в темно-синем костюме и белой рубашке с фиолетовым галстуком; они оба смотрели в объектив с едва заметными улыбками. Фотография явно была сделана на безнадежно унылом официальном мероприятии, но подпись под ней носила какой-то чересчур неформальный характер: *«В непростом деле управления компанией мне помогает жена. Она – мое вдохновение и поддержка»*.

Пролистав статью до конца, Алекс Джонс неподвижно навис над столом. В нем смешались все чувства разом. Он, конечно, предполагал, что рано или поздно хорошенькие студентки неизбежно выходят замуж, но не за шведских же миллионеров! И даже если бы это было так...

Однако! Алекс Джонс в очередной раз убеждался, что слова женщин очень часто расходятся с их делами. Три года назад Нелли Линд сказала, что ненавидит его самой лютой ненавистью, что из-за него она на всю жизнь останется одинокой, и при этом смотрела на него как на врага всего человечества. А теперь она как ни в чем не бывало приглашает его в гости, позабыв про все обиды и разногласия. Может, простила? Едва ли. Может быть, повзрослела и наконец-то поняла, что в современном мире невозможно следовать только своим моральным принципам и иногда приходится поступать в соответствии с жизненными обстоятельствами? Ну конечно, она поняла! Ведь красивый, обеспеченный и, самое главное, здоровый муж – это очень разумный выбор!

Алекс Джонс, не мигая, смотрел в одну точку и пытался отследить свои ощущения. Он чувствовал, что злится, это бесспорно, но что именно его так разозлило, понять никак не мог. То, что Нелли Линд все-таки вышла замуж, но совсем не за того человека, за которого собиралась? Так с момента тех событий прошло уже немало времени, и Линд – ну, сколько ей сейчас, лет двадцать пять? – имела полное право поступить так, как она поступила. То, что она таким странным способом, с помощью приглашительного письма, пыталась возобновить их общение? Ну, так и в этом не было ничего предосудительного. Так что же на самом деле разозлило Алекса Джонса? На этот вопрос ответа у него пока не было, и потому он подумал, а не лучше ли ему воспользоваться любезным приглашением и на собственном автомобиле прокатиться в Финляндию?

Весьма удачно, что на обратной стороне визитки с именем *J. K. Zakrisson* красивым витиеватым почерком было написано название населенного пункта, который должен был послужить ему ориентиром. Алекс Джонс вбил его в Google Maps и увидел не слишком длинную синюю линию: она пролегла по главной дороге 62, огибала Вуоксу, уходила южнее государственной дороги 6 и сворачивала вбок перед конечной точкой. Немногим более ста пятидесяти километров, два часа в пути на машине без учета времени на пересечение границы и других останков. Эта идея нравилась Алексу Джонсу все больше и больше!

Возможность повидать Линд спустя столько лет, а также завести знакомство с главой «Закриссон Фарма», на первый взгляд чисто неформальное, могла быть использована им и для реализации других замыслов, в том числе ему самому пока неизвестных. «Только бы не поставить себя в неловкое положение, – как обычно, предупредил Алекс Джонс сам себя. – Да и не сболтнуть лишнего». Выдавать секреты, раскрывая подробности текущих исследований, он был категорически не намерен, даже в обмен на место в зарубежной компании.

На столе появились виски, сырокопченая колбаса, нарезанный тонкими ломтиками лимон, и Алекс Джонс откинулся в кресле, покачиваясь в такт своим мыслям. Не имея он печальной привычки во всем искать подвох, он, наверное, получил бы удовольствие от разных видов досуга, сопутствующих отдыху в загородном доме, даже если, как в его случае, приглашение было совершенно неожиданным. Конечно, все эти «радости жизни» оказались доступны

ему благодаря знакомству с Линд, а ей – благодаря деньгам своего мужа, но даже это не помешало бы ему согласиться на поездку, если бы он был уверен, что Линд не питает к нему ровным счетом ничего, кроме вежливого интереса. Имелись ли у него основания думать иначе?

...На одном из первых занятий Линд дает правильный ответ на вопрос, который вызывает затруднение у других студентов. На самом деле вопрос несложный. Она это знает и потому говорит внятно, но негромко, как будто рассуждает вслух, стараясь при этом подавить довольную улыбку. По существу, это самое малое, что она может сделать, чтобы не прослыть выскочкой, желающей выслужиться перед новым преподавателем. Так что Алекс Джонс тоже позволяет себе скупой улыбнуться, когда их взгляды случайно пересекаются, отчего Линд смущается и опускает глаза в учебник.

...Они с Линд в научном институте, первый раз поднимаются в лабораторию по лестнице в западном крыле. Там всегда холодно, не прибрано и пахнет сигаретным дымом. Линд то и дело оборачивается, смотрит на него с нервной улыбкой и, поеживаясь, обхватывает себя руками. Алекс Джонс внимательно наблюдает за ее сосредоточенным лицом и вспоминает, как несколько лет назад сам был таким же наивным, воодушевленным студентом. На лестничной площадке довольно тесно, так что, когда он открывает дверь, чтобы пропустить Линд вперед, она нечаянно прижимается к нему, и он вынужден слегка взять ее за локоть, чтобы избежать вторжения в свое личное пространство. Это первый раз, когда они соприкасаются, и Алексу Джонсу кажется, что он придает этому случайному прикосновению слишком большое значение.

Налив еще виски, Алекс Джонс набрал в рот немного прохладной жидкости, но не спешил проглатывать ее, наслаждаясь терпким дубовым привкусом. Воспоминания о Линд смутили его и заставили задуматься; он начал подозревать, что это с его стороны все было не так уже невинно, как ему до сих пор казалось. И хотя у него, разумного человека, хватило бы выдержки отодвинуть подальше настойчивые желания, если бы таковые возникли, Алекс Джонс все же сомневался, смог ли бы он избавиться от ощущения неловкости за свое неуместное пребывание в чужом доме. Не говоря уже о том, что он даже не был знаком с его хозяином. Одним словом, ехать туда ему не следовало.

Решительно отодвинув стакан в сторону, Алекс Джонс достал из пачки чистый лист бумаги, еще раз мысленно взвесил все «за» и «против» и написал ответ. Он написал, что Нелли Линд он, разумеется, помнит и искренне рад слышать, что у нее все хорошо; что он немного удивлен, но благодарен ей за приглашение, а также что личные дела, к большому сожалению, вынуждают его отказаться.

Он свернул короткое письмо втрое и положил в прихожей на тумбу, чтобы не забыть отправить его завтра утром по дороге в институт. Затем он потратил еще сорок минут, чтобы собрать в интернете всю информацию о «Закриссон Фарма» и ее владельце. В конце концов у него так разболелась голова, что он прилег на диван и незаметно задремал, даже не убрав со стола посуду и не погасив свет. Медленно погружаясь в сон, Алекс Джонс думал о том, что Линд, наверное, даже не предполагает, что он может ответить отказом, и это его немного забавляло. У него не было цели обидеть ее, он лишь пытался поступить так, как будет лучше в его понимании. В то же время он прекрасно осознавал, что если что-то и могло по-настоящему смутить Нелли Линд, так это полное его равнодушие. И он хотел, чтобы она тоже об этом помнила.

6

Прошло уже почти две недели с тех пор, как Алекс Джонс отправился в заслуженный, а в его случае скорее вынужденный, отпуск. Дни напролет ему нечем было заняться, кроме прогулок по городу и чтения, и он думал, что зря, наверное, отказался от приглашения Линд, но теперь уже ничего было не изменить. После того как он отправил ей письмо, Линд никак не давала о себе знать.

Алекс Джонс ожидал длительных уговоров, не исключал даже попыток заманивания со стороны Линд, чтобы в конечном счете он принял нужное ей решение, – это было бы вполне в ее стиле. Но все разрешилось куда проще и безынтереснее: Нелли Линд снова исчезла и при этом даже не удосужилась написать ему пару слов в ответ. Спустя какое-то время у Алекса Джонса появилась мысль, что она нарочно ведет себя так, чтобы он сам немного заинтересовался ее персоной, и, кажется, у нее даже получилось. Это еще больше раздражало его и вызывало еще большее неудовольствие сложившейся ситуацией.

Всю неделю после отправки письма Алекс Джонс не мог решить, что же ему все-таки делать. Он так ничего и не предпринял вплоть до прихода в Воглино долгожданной весны. Погода почти сразу установилась ясная и теплая; скудный снег быстро стаял, обнажив влажный, дышащий паром асфальт. Все чаще во дворах чернели прогалины голой земли, на которых клочками пробивалась молодая, неокрепшая растительность. И неизбежно вместе с прелестными бутонами подснежников на поверхности появлялись зловонные гнилые ручейки, бытовой мусор и оттаявшие собачьи фекалии.

Однако, несмотря на жизнеутверждающую в целом погоду, настроение Алекса Джонса по наклонной скатывалось к унынию. От затянувшихся переживаний по поводу ROM-28 мысли его путались и не давали покоя; нестерпимая мигрень мучила почти каждый день, не позволяя радоваться желанному солнцу, а весеннее Воглино, этот тихий, малолюдный городок, вдруг показалось ему грязной и душной каменной клеткой. Теперь его, словно пленного зверя, непреодолимо потянуло на природу.

В один из тягостных будничных дней Алекс Джонс вернулся домой, уставший от крикливых детей и хамоватых водителей, норовивших окатить его грязной водой из лужи. Собираясь немного вздремнуть, он принял прохладный душ и устроился читать в кабинете. И тут руки его сами потянулись к ящику стола, где лежало письмо от Линд, и набрали указанный на визитке номер.

После нескольких безответных гудков сработал автоответчик на английском языке: «Благодарим вас за звонок в „Закриссон Фарма Кемикал“. Вы позвонили в офис Йоханнеса Закриссона, генерального директора компании. В настоящее время секретарь не может ответить на ваш звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение после звукового сигнала, и мы вам обязательно перезвоним. Спасибо». Пропищал сигнал автоматической связи, и Алекс Джонс уже было приготовился записать первое в своей жизни сообщение на автоответчик, но неожиданно раздались частые гудки. Соединение прервалось.

Алекс Джонс терпеливо подождал, пока секретарь Закриссона перезвонит ему. Он хотел выдержать паузу хотя бы в полчаса, а уж потом, если результата не будет, еще раз позвонить самому. Но что-то подсказывало, что у таких людей, как Закриссон, даже секретари могут быть слишком заняты, чтобы отвечать на каждый входящий звонок. Поэтому он умерил гордость и нажал на кнопку повторного вызова. После нескольких гудков снова последовал сброс.

«Надо же, теперь и автоответчик не отвечает! Пробриться к нему в офис сложнее, чем на прием к министру», – недобро усмехнулся Алекс Джонс, хотя происходящее понемногу начинало его забавлять. Теперь он сильно засомневался в своем поспешном желании провести день-другой в качестве гостя у Закриссона, но из упрямства решил попробовать дозвониться

ему в третий раз. Пока он ждал соединения, секундная стрелка его наручных часов, лежащих на письменном столе, неспешно шагала по циферблату, каждым шагом отмеряя пределы его терпения. Этому созерцанию не суждено было продлиться слишком долго – из трубки послышался приятный женский голос:

– Офис Йоханнеса Закриссона. Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

Алекс Джонс сделал глубокий вдох и решительно произнес:

– Здравствуйте, мне нужно поговорить с... мистером Закриссоном. По личному делу.

– Представьтесь, пожалуйста. – Голос секретарши доносился до него глухо, будто через толстый слой ваты.

– Доктор Александр Джонс.

– Спасибо, доктор Джонс. Герр Закриссон ожидает вашего звонка?

Алекс Джонс мысленно чертыхнулся. Он совсем забыл, что в Швеции к мужчине обращаются «герр».

– Нет. Думаю, что нет.

– Тогда я рекомендовала бы вам позвонить по этому номеру через пару дней. Герр Закриссон только что уехал на деловую встречу в Мальмё. Вернется не ранее завтрашнего вечера.

– Понятно, а могу я в таком случае... – Алекс Джонс оборвал себя на середине фразы, запоздало осознав, как двусмысленно прозвучит его просьба, но все же продолжил: – Могу я как-то связаться с его женой?

Секретарша, по-видимому опешив от такой дерзости, попросила подождать, пока она свяжется с другим офисом, и переключила звонок в режим ожидания. Из трубки полились звуки концерта для органа с оркестром. Что-то зауспокойное, наверное, Кугие²⁰ из моцартовского «Реквиема». Траурная мелодия неприятным образом давила на слух. К счастью, дослушивать концерт до конца Алексу Джонсу не пришлось. Музыка смолкла, и на смену ей пришел низкий мужской голос, говорящий с грубым акцентом.

– Здравствуйте, вы хотели поговорить с фру Закриссон? – спросил он, слегка шепелявя и грассируя «г» на северогерманский манер.

– Да, именно так.

– Сожалею, в настоящий момент это невозможно.

– Понятно, но... Меня зовут доктор Александр Джонс. Пожалуйста, уточните у... фру Закриссон, не сможет ли она поговорить со мной прямо сейчас. Это очень важно.

– Простите, доктор Джонс, – голос секретаря сильно искажался помехами, – сейчас она не может подойти к телефону. Я передам ей, что вы звонили. Все остается в силе на пятницу?

Алексу Джонсу показалось, что конец реплики он расслышал как-то неправильно, и потому решил переспросить:

– Простите, что значит «на пятницу»?

– Насколько мне известно, вы приезжаете в Уотерфол-Хаус в пятницу, – спокойно пояснил секретарь, привыкший к необходимости повторять одну фразу по несколько раз. – У вас есть открытая виза?

– Да, виза у меня есть, только...

– Очень хорошо. – В трубке опять что-то зашуршало. – Фру Закриссон обязательно свяжется с вами позже. Спасибо за ваш звонок.

Во время всего разговора Алекс Джонс старался сохранять невозмутимость, хотя это далось ему с некоторым трудом. Он и сам не мог объяснить почему, но нежелание Линд общаться с ним напрямую вызывало у него скорее азартное любопытство, нежели раздраже-

²⁰ Kyrie eleison («Господи, помилуй») – молитвенное песнопение в составе католической мессы.

ние. И после недолгого раздумья он понял, какого плана следует придерживаться. «Подожду, пока она объявится сама, – решил Алекс Джонс. – До пятницы еще далеко».

Впрочем, не успел он отложить телефон в сторону, как тот вновь привлек его внимание настойчивой вибрацией. Алекс Джонс было решил, что это Линд выкроила для него время в своем напряженном графике, но звонил совсем другой человек. Раздраженно вздохнув, Алекс Джонс поднес телефон к уху и поздоровался.

– Здравствуй, Алекс. Как ты поживаешь? – прозвучал мягкий, звенящий голос Виты Черновой.

Алекс Джонс машинально перевел взгляд на настольный календарь с корпоративным логотипом фирмы-конкурента, и лицо его озарилось пониманием. Ну конечно! Сегодня понедельник, седьмое марта, и Вита наверняка звонит ему, дабы деликатно намекнуть, что завтра она, как любая женщина, будет рада услышать теплые поздравления в свой адрес. Вот только с выбором поздравителя она безнадежно ошиблась.

Виту Чернову, дочь историка-египтолога и внучку заслуженного изобретателя в области горного дела, Алекс Джонс знал еще с университетских времен – они оба состояли в студенческом научном кружке. Так уж вышло, что Вита сама напросилась к нему в напарники и на протяжении нескольких лет писала за него обоснования и тезисы ко всем научным работам. И пускай теперь в областном бюро судебно-медицинской экспертизы, где она трудилась экспертом судебно-гистологического отделения, ее называли Виолеттой Евгеньевной, для Алекса Джонса она навсегда осталась просто Витой, девочкой-младшекурсницей, смотревшей на него влюбленным взглядом из-под длинной белокурой челки.

Он тоже любовался Витой бесхитростно и беззазорно, как очаровательным созданием, которое украшало своим присутствием каждое собрание их научного кружка. В ней было идеально практически все: и миловидное лицо, и большие, полные наивной доверчивости глаза, и модная заграничная одежда, и трепетная душа, и мысли. Но, видимо, чего-то все-таки недоставало, и влюбиться в нее, как это сделала половина университетских парней, Алекс Джонс не смог. Они остались просто друзьями. Точнее, это он дружил с Витой, пока она страдала и мучилась от неразделенных чувств, никак не находя в себе смелости оставить его навсегда. Так что и после окончания университета, даже обзаведясь семьями, они продолжали изредка общаться: поздравляли друг друга с праздниками, пару раз виделись на встречах выпускников.

И вот когда Вита рассталась со своим мужем, а потом неожиданно переехала в Санкт-Петербург, первым, кому она позвонила, чтобы сообщить эту новость, был Алекс Джонс. По странному совпадению на тот момент он месяц как находился в разводе и был настолько подавлен этим событием, что сразу же пригласил Виту на ужин. Безобидная встреча в одном из питерских баров закончилась тем, что они оказались в объятиях друг друга. Напрасно Алекс Джонс пытался деликатно убедить Виту, что их близость была большой ошибкой. Она восприняла случившееся как шанс перевести их дружеские отношения в другую плоскость. Впрочем, с тех пор ей ни на шаг не удалось продвинуться в этом направлении.

– Алекс, ну что же ты молчишь? – спросила Вита с непонятной нервирующей интонацией. – Где ты сейчас? Я тебя не отвлекаю?

– Нигде, то есть дома. Я как раз собирался спать, – соврал Алекс Джонс и, прикрывая рот ладонью, демонстративно изобразил зевок.

– Извини, если помешала... – Когда Вита волновалась, ее голос становился тоньше и выше. – Знаешь, я тут подумала, почему бы мне не приехать к тебе? Попили бы чаю с тортиком, поболтали. Я так давно тебя не видела.

Как же трудно, подумал Алекс Джонс, когда после стольких лет платонической дружбы женщина по-прежнему ждет, что ты ответишь ей взаимностью. Когда она при этом еще красива, умна и неизменно заботлива, а ты выглядишь полным идиотом, который отказывается от такого сокровища. Но дело тут вовсе не в каком-то его упрямстве! Сотни раз он убеждался

в подлинности всех этих ее качеств, но разве этого достаточно, чтобы он решил быть вместе с ней навсегда? Надо было срочно переводить разговор на другую тему, поэтому он спросил:

– Слушай, Вита, а тебе известно что-нибудь об утопленниках из Айеройоки?

– Утопленниках? – растерянно переспросила Чернова.

– Ну да, о них еще писали в газетах. Не помнишь?

– Кажется, было что-то такое. Но ты же знаешь, я не обсуждаю работу по телефону.

Алекс Джонс многозначительно хмыкнул и крутанулся в кресле.

– Может быть, сделаешь для меня исключение?

– Ох, Алекс! Для тебя я и так уже сделала слишком много исключений. – Вита подышала в трубку, показывая, как сильно она обижена, и тут же кокетливо добавила: – Если тебя так интересуют подробности, пригласи меня завтра поужинать.

«Недурно, – подумал Алекс Джонс. – Одно очко в ее пользу». Крутанувшись в обратную сторону, он неопределенно проговорил:

– Пригласить тебя – это, конечно, запросто! Вот только я считаю, что обсуждать такую тему за праздничным ужином совершенно неуместно. Мне бы не хотелось испортить тебе аппетит.

– Тогда пригласи на завтрак! – весьма ловко парировала Чернова. – Да, кстати, завтракать я предпочитаю овсянкой и чашечкой кофе определенного сорта, который есть только у меня дома.

Не удержавшись, Алекс Джонс тихонько присвистнул: два-ноль, как ни крути. Крыть ему было нечем, но он все-таки ответил:

– Пока что я очень занят на работе. Но мы с тобой обязательно поужинаем, причем довольно скоро. Идет?

– А могу ли я узнать, когда случится это «скоро»?

– Нет, это никому неизвестно.

– Хорошо, я поняла. – Чернова печально вздохнула, но спросила уже снова приветливым голосом: – У тебя все в порядке?

– Конечно, – без колебаний ответил Алекс Джонс. – Все идет как надо.

Каждый раз, когда Вита звонила ему, а это случалось раза два-три в месяц, она спрашивала, как он живет, над чем трудится, не появился ли в продаже его новый препарат, не переманивают ли его, как ценного научного сотрудника, за границу. И на самом деле в глубине души Алексу Джонсу это очень нравилось.

– Позвони мне, пожалуйста, когда будешь свободен, – попросила Вита.

– Обязательно. Спасибо, что интересуешься.

Закончив разговор, Алекс Джонс отругал себя за непроизвольно вырвавшуюся ложь о своей занятости на работе и за то, что он так неловко отмазывался. Нужно все-таки встретиться со старой подругой, особенно после данного им обещания.

Затем он приготовил курицу в духовке, поужинал и позволил себе хорошо расслабиться в пенной ванне. Пока он плескался в воде, ему на телефон пришло сообщение. Алекс Джонс смыл с рук излишек пены, наскоро вытер их полотенцем и потянулся за телефоном. Номер начинался с цифры сорок шесть. Это была Линд. Ну наконец-то, он уже успел заскучать!

Текст сообщения был такой: «Здравствуй, доктор Джонс. Не могу поговорить по телефону, переболела фарингитом, голос до сих пор не вернулся. Но к пятнице буду в порядке, не волнуйтесь, я вас не заражу».

Алекс Джонс коротко усмехнулся и написал в ответ: «Привет, Линд. А с чего ты решила, что я приеду в пятницу?»

«Не знаю, мне так кажется. Иначе вы не стали бы звонить», – быстро напечатала Линд и в последующих сообщениях подробно описала ему дорогу, дала рекомендации, во сколько выехать, что взять с собой из вещей и какие документы могут понадобиться на таможне.

Алекс Джонс поблагодарил ее за старания и написал, что эта информация обязательно пригодилась бы ему, если бы он собирался приехать. «Хотите сказать, этого не будет?» – спросила Линд, на что он ответил: «Я подумаю». Примерно две минуты спустя от нее пришло: «Хорошо, буду надеяться». Хмыкнув, он написал еще одно сообщение, в котором пожелал Линд поскорее поправляться, но оно осталось без ответа.

Закончив мыться и бриться, Алекс Джонс некоторое время в сильном душевном возбуждении мерил шагами квартиру: из кабинета – в кухню, из кухни – в спальню. Потом он в очередной раз вышел покурить. С его балкона был виден красно-белый шпиль воглинской телевышки, расположенной двумя кварталами дальше. Обычно она не вызывала у него ничего, кроме эстетического раздражения, но сейчас, после непродолжительной переписки с Линд, вышка показалась ему практически Эйфелевой башней на фоне закатного парижского неба.

О том, чтобы отказаться от поездки, не шло теперь и речи, потому что Алексу Джонсу во что бы то ни стало захотелось провести выходные на природе. А еще он хотел узнать, неужели Линд считает его настолько предсказуемым, что думает, будто может предугадать все его действия?

Размышления об этом продолжились и на следующий день во время прогулки по торговому центру, куда Алекс Джонс отправился с целью приобрести пару свежих рубашек и джемперов, чтобы не выглядеть неопрятным стариком на фоне молодого подтянутого Закриссона. В среду он ненадолго заглянул в лабораторию и оставил распоряжения на время своего отсутствия, не говоря при этом, что его не будет в городе, а четверг полностью посвятил подготовке автомобиля, на котором собирался путешествовать.

Спускаясь на подземную парковку, Алекс Джонс предвкушал воссоединение со своим серым БМВ Х5 в кузове Е70. Автомобиль, которым давно не пользовались, на полупустой парковке казался холодным и одиноким, как льдина, и запыленным, словно старый чулан. Алекс Джонс провел рукой по приборной панели, и кончики пальцев стали серыми. Он сокрушенно покачал головой. До сих пор он так и не понял, зачем приобрел собственную машину, тем более такую дорогую. Наверное, это была одна из причуд среднего возраста – совершенно ненужная, но красивая и комфортная, с приятно урчащим мотором и впечатляющей динамикой.

Усевшись на водительское место, Алекс Джонс ласково погладил ладонью шелковистую кожу сидений и, сделав пару кругов по парковке, чтобы привести двигатель в рабочее состояние, с наслаждением поддал газу и выехал на поверхность, в направлении автомойки и заправной станции.

Лишь вернувшись домой поздно вечером, Алекс Джонс понял, что так и не созвонился с Витой Черновой после того, как дал себе обещание сделать это. Тут же он вспомнил, что поступил так и в прошлый, и в позапрошлый раз... Он взялся было за телефон, но потом подумал, что сейчас его звонок, наверное, будет не к месту.

«Встречусь с ней после поездки», – решил он.

7

В ночь перед отъездом Алекс Джонс спал хуже обычного. Он специально отправился в постель пораньше, зная, что завтра ему придется рано вставать, но заснуть как следует ему не удалось; он долго укладывался, ворочался с боку на бок в полудреме и по мере того, как шло время, только все больше утомлялся, а не отдыхал. После полуночи его вдруг охватило настойчивое желание сварить кофе в турке и посмотреть несколько серий какого-нибудь популярного сериала, и он с трудом заставил себя не открывать глаза, чтобы утром не чувствовать себя разбитым. Когда же он наконец уснул, ему привиделся странный сон.

Ему приснилось, что он все так же спит в своей постели и что у него затекла левая рука. Он открыл глаза, чтобы посмотреть, не отлежал ли он ее до полного онемения, и вдруг обнаружил, что это вовсе не его спальня, а больничная палата. Да и сам он выглядит так, будто тяжело болен: тело оплетено датчиками и катетерами, на палец надета прищепка-пульсоксиметр, а рядом с койкой стоит аппарат искусственной вентиляции легких, трубки которого тянутся прямо к его горлу.

Он попробовал позвать на помощь, но изо рта вырвался лишь какой-то странный свист, поскольку оказалось, что через разрез у него на шее вставлена трахеостомическая трубка. Собравшись с силами, он попытался пошевелиться, но вскоре понял, что ни ноги, ни руки его не слушаются. В смятении он быстрым взглядом окинул комнату и сразу же заметил, как из тени в дальнем углу отделилась невысокая фигура в длинном балахоне и теперь медленно приближается к его постели. Шаг за шагом, под мерный шелест ткани.

Неизвестно почему, но во сне он совершенно точно знает, что эта женщина – а фигура была женской – ему хорошо знакома. Поэтому он совсем не удивляется, когда черный балахон свободно падает на пол, и под ним оказывается Нелли Линд. Неожиданно красивая, желанная и полностью обнаженная.

Откинув одеяло, она пристраивается к его бессильному, недвижимому телу и начинает вытворять такое, от чего он наверняка лишился бы дара речи, если бы еще мог говорить. Ее узкие, отливающие белизной бедра покачиваются в такт движению поршней в аппарате, поддерживающем его дыхание. Там, где их тела соприкасаются, по коже разливается обжигающее тепло, плавная размеренность чередуется с острыми будоражащими всплесками. Ему кажется, что еще немного – и его тело разорвет скопившееся внутри напряжение; в этот момент Линд наклоняется и целует его в губы. Она делает это так жадно, словно прощается с ним навсегда, словно целует его в первый и последний раз, пытаясь высосать из него остатки жизни. И тут же отстраняется, коротко вздрагивает всем телом, как от удара плетью, и одним рывком отсоединяет дыхательную трубку от трахеостомы.

Он чувствует, что начинает задыхаться. Аппарат искусственной вентиляции издает отрывистый сигнал тревоги; одновременно с этим загорается индикатор «Утечка», но Линд шустро водит тонкими пальцами по экрану и заставляет прибор замолчать. Перед глазами плывут лиловые пятна, безвольные руки не могут дать мучительнице отпор. Он начинает терять сознание, понемногу сдаваясь смерти.

Линд скалится, и губы ее подергиваются в злой, торжествующей усмешке. Она знает, что выполнила свою задачу безусловно, но не торопится уходить. Возможно, это ее желание: смотреть, как он страдает, наслаждаться его мучениями, его бессильным ужасом. Глаза его медленно закрываются, еще видя зловещую фигуру, нависшую над ним в прощальном поклоне. Внезапно темнота охватывает его со всех сторон, словно мутная вязкая жижа, и он погружается в нее все глубже, и глубже, и глубже...

Алекс Джонс вскочил на постели, зажав в кулаке угол одеяла, и судорожно огляделся, стараясь понять, пробудился он или еще спит. Нет, на сей раз это точно была его спальня. Его кровать, его платяной шкаф – и никакой медицинской техники.

– И приснится же такое, – пробормотал он и откинул одеяло в сторону.

Прогнав остатки сновидения, он почувствовал себя немного лучше, но сердце все еще бешено колотилось. Он встал, умылся ледяной водой, влажное полотенце бросил рядом с кроватью. Простыня под ним тоже стала мокрой от пота, и он решил перелечь на другую сторону постели. Скосив глаза, бросил взгляд на часы, стоящие на прикроватной тумбочке, они показывали половину четвертого ночи.

Под впечатлением от кошмарного сна Алекс Джонс задумался: никогда он особенно не вникал в страдания больных, никогда не представлял себя на их месте и часто любил повторять, что «слезами горю не поможешь». Но он знал, откуда в его подсознании возник этот образ. Он служил отрезвляющим напоминанием о том, что профессиональные неудачи также являются неотъемлемой частью развития фармацевтической индустрии. По крайней мере, Алекс Джонс понимал это так.

Вот, например, талидомид – первое, что пришло ему в голову. Этот снотворный препарат был разработан в 1954 году немецкой фармацевтической компанией «Хеми Грюненталь». Тремя годами позже он поступил в продажу в Германии, а уже через год его можно было приобрести в 46 странах мира. Несмотря на то что исследования влияния препарата на плод не проводились ни компанией-разработчиком, ни производителями дженериков, талидомид назначали беременным женщинам для устранения таких неприятных симптомов, как бессонница, беспокойство и утренняя тошнота. Впоследствии этот инцидент вошел в историю как «талидомидовая трагедия». Его итогом стало появление на свет почти десяти тысяч детей с тяжелыми врожденными дефектами, в том числе с отсутствием конечностей.

Снились ли в кошмарных снах создателям талидомида безрукие и безногие младенцы, Алекс Джонс не знал, но сам он в свое время зарекся продвигать какое бы то ни было лекарственное вещество, если его безопасность не была многожды проверена им в тестах. Уже при поступлении в университет он понимал, что его не слишком-то привлекает общение с пациентами, и потому выбрал фармацевтический факультет вместо лечебного. Но тем не менее за все время пребывания в должности фармацевта-исследователя он никогда не забывал, что трудится во имя здоровья людей.

Во второй фазе клинических испытаний нейросода он с большим энтузиазмом проводил совместные осмотры пациентов с врачами-неврологами; правда, холодного исследовательского интереса в его взаимодействии с ними было больше, чем сочувствия. Но над всеми этими морально-этическими соображениями доминировало главное: Алекс Джонс считал себя в большей степени ученым, чем лекарем. Он испытывал опасения и слепую враждебность почти ко всему, что могло навредить его работе. Что же касается нейросода, преданность Алекса Джонса своему первому серьезному проекту была непоколебимой. Именно это обстоятельство послужило решающим доводом, чтобы сказать «нет», когда три года назад он оказался перед крайне непростым выбором.

В один из сентябрьских дней – он как сейчас помнил, это была среда – Алекс Джонс позвонил Линд и сказал, что ему нужно переговорить с ней по делу, с которым она обращалась к нему ранее. Линд попросила разрешения приехать в лабораторию. Меньше чем через час она сидела перед ним на скрипучем железном стуле и нервно потирала руки.

– Линд, я не смогу вам помочь, – как можно мягче произнес тогда Алекс Джонс. – Я внимательно изучил его историю болезни, результаты недавних обследований и вынужден сказать, что в данном случае, к сожалению, болезнь зашла слишком далеко. Даже если он будет

получать нейросод, а не плацебо²¹, чего я тоже не могу знать наверняка, значительного клинического эффекта не будет.

Глядя на взволнованное, заметно побледневшее лицо Линд, он добавил:

– Поверь, мне бы очень хотелось сообщить тебе что-то другое. Но, вероятно, вам лучше сосредоточиться на поддерживающей терапии и адаптации и не тратить время на бесполезные в его случае тесты.

Наступившее молчание нарушали только звуки дождя, который барабанил по крыше, и негромкие шаги прохожих, доносившиеся с улицы. Алекс Джонс заметил, как судорожно дернулось горло Линд, прежде чем она сумела выдать из себя хоть слово.

– Я не верю в то, что вы говорите. Так не должно быть. Ведь еще недавно все было нормально, понимаете?

– Понимаю.

– Как-то это все неправильно, несправедливо.

Алекс Джонс кивнул головой. Хороший, наверное, у нее молодой человек. Двадцать четыре года, всего лишь на пару лет старше самой Линд. И, похоже, она его очень любит... Алексу Джонсу хотелось найти для нее слова утешения, чтобы хоть как-то смягчить удар, но ему, в отличие от практикующих врачей, нечасто приходилось встречаться со смертью – он не был обучен тому, как сообщить безрадостную весть близкому человеку больного. Да и что, собственно, изменили бы его слова? Превратили бы тяжелое заболевание в веселый аттракцион? Или, может быть, поставили парня на ноги?

Да, он мог бы помочь им не словом, а делом – это вполне было ему по силам. Однако вся сложность кроется в том, что руководителям научных проектов зачастую приходится принимать такие решения, которые, если взглянуть на них со стороны, могут показаться чересчур жесткими и даже непорядочными. И тогда приходится умирять свою совесть и поступать так, как этого требуют обстоятельства. Особенно когда несешь ответственность за судьбы многих людей, когда только от тебя зависит их здоровье, их будущее, их жизнь.

Три года назад Алекс Джонс поступил именно так, как должен был поступить: ответил отказом на просьбу Линд включить ее молодого человека в программу клинических испытаний нейросода. У него имелись на то весомые причины, и если бы он поступил иначе, то подвел бы тех, кто надеялся на скорейшее появление препарата на рынке. Это был взвешенный, разумный поступок. Но почему же теперь ему сделалось так гадко на душе?

Стрелки часов тем временем стремительно приближались к половине пятого, и столь же торопливо проносились обрывки воспоминаний в голове Алекса Джонса. Забыть прошлое оказалось труднее, чем заставить себя вынести кому-то смертный приговор. После этого сна о себе в образе безвольного, прикованного к постели больного и Линд в роли безжалостной мстительницы он всерьез задался вопросом: не допустил ли он ошибку, столь решительно отказав ей в помощи? И не придется ли ему в скором будущем испытать раскаяние куда более страшное, чем нелепый кошмарный сон?

Уже утром Алекс Джонс выяснил, что Линд, по-видимому, тоже не спалось сегодняшней ночью. В пять двадцать утра она прислала ему сообщение с текстом: «Позвоните, как пересечете границу. Желаю хорошей поездки!». Может, она и впрямь не держала на него обиды – особенно если учесть, в каком дружественном тоне происходила их переписка. По крайней мере, Линд больше не проклинала его за бессердечность и не обвиняла в том, что он сломал ей жизнь, и это было определенно хорошим знаком.

Когда Алекс Джонс узнал, что она вышла замуж, и не за кого-нибудь, а за наследника фармацевтической империи Закриссонов, его первой реакцией было возмущенное удивление.

²¹ Плацебо – вещество без явных лечебных свойств, которое может использоваться в качестве лекарства либо маскировать лекарство в исследованиях.

Сама мысль, что простая русская девчонка стала избранницей шведского миллионера, не укладывалась у него в голове. Но теперь – совсем другое дело, рассудил Алекс Джонс. Пусть будет замужем за кем угодно, хоть за принцем Монако, – он будет этому только рад, лишь бы не чувствовать себя виновником чьей-то трагедии.

Продолжая этот внутренний монолог за чисткой зубов, а потом за чашкой кофе, он говорил себе: «Никогда не знаешь, какой неожиданный сюжет может подкинуть тебе воображение. Представить себя в постели со своей бывшей студенткой, которая при этом пытается тебя убить, – это так нелепо, так странно, что почти смешно! Но придавать этому особого значения не стоит. Если так случилось, что мне до сих пор снятся эротические сны, – пусть. В конце концов, на месте Линд могла быть и Вита, и хорошенькая соседка с пятого этажа, и вообще кто угодно... Это ничего не значит».

Так утешал себя Алекс Джонс, садясь в автомобиль, но мысленно то и дело возвращался к событиям, привидевшимся ему во сне, что сразу сбивало его с правильного настроения. Окончательно он пришел в себя, только когда выехал из Воглина и с приличной скоростью двинулся в направлении федеральной трассы «Скандинавия», по которой ему предстояло добраться до границы.

Часть вторая

Итак, смысл женщины – быть бессмыслицей. Она воплощает в себе «ничто», противоположный полюс божества, другую возможность в человеке. <...> Так мы дошли до понимания глубочайшего страха у мужчины: это страх перед женщиной, страх перед бессмысленностью, перед манящей бездной пустоты.

О. Вайнингер. Пол и характер

8

В начале десятого утра по местному времени таможенный пункт «Светогорск» дал Алексу Джонсу добро на выезд из страны. Когда его автомобиль въехал на нейтральную территорию и продолжил движение в сторону финского погранпоста, пейзаж за окном, который вот уже полтора часа мчался навстречу ему стремительной серо-зеленой лентой, показался удивительно осязаемым и ярким, хотя на самом деле он почти не изменился. «О, прекрасная страна, – думал Алекс Джонс. – Спаси меня от духовного голода, спрячь от хандры под сенью твоих лесов». И тут же добавлял: «Не дай мне, ради всего, впутаться в какую-нибудь сомнительную историю!»

Поток въезжающего в Финляндию транспорта на пропускном пункте «Иматра» оказался неожиданно плотным. Чтобы ускорить процесс, для проезда машин с российскими номерами была открыта крайняя правая полоса, которая обычно предназначалась для граждан Евросоюза, но и это не особо помогало делу. Очередь в ряду легковых автомобилей продвигалась медленно, и утомившийся ожиданием Алекс Джонс вертелся в кожаном кресле своего БМВ, нетерпеливо обмахиваясь заграничным паспортом. Он, как и любой другой человек, находил процедуру прохождения таможни не слишком увлекательной, но утешал себя мыслью, что с получением постоянной прописки в Ленинградской области он получил также привилегию раз в год беспрепятственно обновлять шенгенскую мультивизу, и хотя бы это облегчало ему задачу.

Пару лет назад, когда дела ощутимо пошли в гору, Алекс Джонс решил, что в его возрасте уже несолидно скитаться по съемным квартирам, и запланировал покупку своего собственного жилья. Долго присматривался, подбирал варианты, но в последний момент передумал и вместо отличной меблированной «двушки» в Воглине приобрел слегка подержанный баварский кроссовер и небольшую квартиру-студию в одной из петербургских новостроек. Переезжать в нее Алекс Джонс не собирался с самого начала: квартира была куплена для сдачи в аренду, а в будущем, согласно его планам, там должна была поселиться Арина, которая однажды призналась, что мечтает жить и учиться в северной столице. Может быть, Алекс Джонс и не был лучшим отцом на свете, но в безразличии к собственной дочери его упрекали совершенно напрасно.

И вот наконец загорелся зеленый сигнал светофора! Алекс Джонс подъехал к зданию таможни, заглушил мотор и, оказавшись внутри, поспешил занять очередь к одному из окошек. Пока офицеры паспортного контроля проверяли документы у стоящих впереди него людей, он развлекал себя тем, что наблюдал через бликующие стекла своих очков, как симпатичная девушка поправляет шнурок на кроссовке, наклонившись так низко, что была видна кружевная кромка ее белья. Алекс Джонс засмотрелся настолько, что инспектору в темно-синей униформе с надписью «TULLI» пришлось окликнуть его дважды, чтобы привлечь внимание. Это был рослый молодой финн с добротной светло-рыжей бородой, флегматичный и немногословный, как большинство его соотечественников. Он склонился над паспортом Алекса Джонса и пару

минут рассматривал его, слегка нахмутив брови, а потом еще столько же сверял фотографию в паспорте с натянуто-доброжелательным лицом его владельца и наконец задал стандартный вопрос:

– Куда следуете?

Тут Алексу Джонсу впору было бы соврать, и вариантов было бесчисленное множество: «в аквапарк Иматры на пару дней», «на рыбалку в Миккели на неделю», «на полдня в Хельсинки на шопинг» и так далее. Но он отчего-то растерялся и потому сказал правду:

– В гости к старому другу.

Тот факт, что друг на самом деле был подругой и вовсе не старой, по его мнению, значения не имел; это были никому не интересные подробности, которые никоим образом не могли послужить препятствием для въезда в страну. Но, очевидно, бородатый инспектор в синей униформе считал иначе, потому что, поерзав на стуле, он нахмурился еще сильнее и принялся гладить свою бороду с видом крайней подозрительности.

– И долго пробудете?

– Неделю. Может быть, дней десять.

Этот ответ насторожил чиновника даже больше предыдущего. Он бросил на Алекса Джонса строгий взгляд исподлобья и приоткрыл рот, приготовившись расспрашивать его обо всех подробностях поездки, но в этот момент со спины к нему подошел коллега и задал какой-то вопрос, а затем второй. В ответ инспектор вздохнул и уныло покивал головой, после чего вдруг утратил к Алексу Джонсу всяческий интерес и, спешно проставив два отгиска в загранпаспорте, впустил его в страну.

Пройдя пограничный контроль, Алекс Джонс первым делом проверил телефон, по случайности оставленный в автомобиле на самом приметном месте. На экране уже светилось сообщение от Линд: «На оговоренном месте через час, успеете?» Алекс Джонс посмотрел на часы и написал утвердительный ответ, после чего встроился в поток машин, идущих в северо-западном направлении, и двинулся по сети скоростных дорог, постепенно перемещаясь вглубь страны.

Рукой, слегка высунутой из приоткрытого окна, он пытался определить температуру за бортом автомобиля и понять, совпадает ли она с показаниями термометра на приборной панели. Тот показывал восемь градусов тепла, но, очевидно, на днях было теплее, потому что снег уже почти весь растаял и смешался с грязью, образовав на обочине неглубокие лужи. Сосновый лес, раскинувшийся на каменистых холмах по обеим сторонам дороги, накатывал могучими зелеными волнами. С ветром доносился тонкий, терпкий аромат хвои, пригретой солнцем. «А хорошо ведь!» – подумал про себя Алекс Джонс и начал вполголоса подпевать радио.

По мере того как он удалялся от дома, тревога его понемногу рассеивалась, но одна мысль все-таки не давала ему покоя: а почему, собственно, Линд написала в сообщении «буду надеяться» вместо «будем надеяться»? Означало ли это, что она ждала приезда гостя куда сильнее, чем ее супруг? Алекса Джонса вдруг одолел внезапный приступ голода, и он направился туда, где его можно было утолить.

Когда он подъехал к ближайшему придорожному кафетерию, на просторной стоянке было припарковано лишь два автомобиля: синий «Рено» и тентованная фура. Впрочем, внутри вообще не было никого, кроме обслуживающего персонала и пары человек, самозабвенноковыряющихся в тарелке с овсяными хлопьями. Алекс Джонс взял себе кофе и сэндвич с лососем и расположился на высоком стуле у окна, подальше от входа и других посетителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.